

На правах рукописи

Постникова Екатерина Георгиевна

**ТЕМА ВЛАСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ
М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
(мифопоэтический и художественно-философский аспекты)**

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Екатеринбург – 2014

Работа выполнена на кафедре русской литературы института истории и филологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»

Научный консультант: профессор, доктор филологических наук
Власкин Александр Петрович

Официальные оппоненты:

Борисова Валентина Васильевна,
доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ
ВПО «Башкирский государственный
педагогический университет им. М. Акмуллы»,
заведующий кафедрой русской литературы

Михновец Надежда Геннадьевна,
доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ
ВПО «Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена»,
профессор кафедры русской литературы

Юрьева Ольга Юрьевна,
доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ
ВПО «Восточно-Сибирская государственная
академия образования», заведующий кафедрой
филологии и методики

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет», г. Петрозаводск

Защита состоится 30 октября 2014 года в 11-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.285.15 на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, зал заседаний диссертационных советов, к. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» <http://dissovet.science.urfu.ru/news2/>

Автореферат разослан « » 2014 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

Е. Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В истории русской литературы знаковые фигуры Ф.М. Достоевского и М.Е. Салтыкова-Щедрина стоят рядом и в то же время противопоставленно. Одной из пульсирующих «болевых» точек, точек притяжения-отталкивания, объединения-противостояния между художественными мирами писателей является понимание ими феномена власти.

Начиная с 60-х гг. XIX в., со знаменитой полемики между «Временем», «Эпохой» и «Современником», Ф.М. Достоевский и М.Е. Салтыков-Щедрин считаются идейными противниками и «вечными» оппонентами. И Достоевский, и Щедрин в юности были членами кружка Петрашевского. Допустимо предположить, что если бы не ссылка в Вятку (1848 г.), которая фактически спасла Щедрина, они бы, возможно, стояли рядом на эшафоте, ожидая смертной казни. Годы 1848 – 49-е стали точкой «бифуркации», своеобразным водоразделом, после которого судьбы авторов получили разное направление. Одному пришлось пройти через каторгу и ссылку, другой стал высокопоставленным чиновником правительственной администрации. Столь непохожий личный опыт сформировал во многом противоположно ориентированные мировоззрения писателей. В историю русской литературы один из писателей вошел как создатель жесточайшей сатиры на российское самодержавие – «Истории одного города», а другой как автор едкого антинигилистического романа, почти памфлета – «Бесов». Парадокс ситуации заключается в том, что бывший вице-губернатор, а фактически реально управляющий губерниями Салтыков-Щедрин создает уродливые образы представителей официальной власти – помпадуров и глуповских градоначальников, а «старый нечаевец» Достоевский бичует молодых представителей «ярко-красного либерализма». Отношения притяжения – отталкивания, сложившиеся между этими шедеврами, как и между их авторами, способствовали напряжению силового поля общественно-публицистического дискурса этого времени.

В судьбах этих писателей есть момент преодоления опыта молодости как «негативного». Личный опыт Щедрина, которому фортуной была предоставлена возможность на какое-то время «вжиться» в архетип Властителя, почувствовать власть, попробовать себя в ней, привел его к дальнейшему отрицательному осмыслению роли и функций русской власти, ничем не ограниченной, «самодурной», ведущей бесконечные войны с собственным народом. Личный опыт Достоевского, который на своем примере испытал, что значит идти против власти, быть обличенным в заговоре, в покушении на существующие формы правления и традиционные устои общества, привел его через каторгу, покаяние, переживание ситуации «блудного сына» к страстной вере в единство царя и народа, в то, что народ никогда не пойдет против государя своего. Принципиальная разница в подходах к теме власти у этих

писателей связана не только с их идейными разногласиями, особенностями их биографий и судеб, но и со своеобразием художественных методов.

И М.Е. Салтыкова-Щедрина, и Ф.М. Достоевского всегда интересовала природа власти и закономерность ее установления, репрезентации и функционирования на русской почве. Власть – это структурообразующий центр большого мифа о государстве. А образ Властителя (Вождя, Царя) и семантика его поступков-актов по отношению к вверенному культурному сообществу: народу и элите – определяют семиотический стержень любой национальной мифологии.¹ Со времен Платона и Аристотеля человечество выработало множество концепций власти и дало ей немало определений. В семантическое поле «власти» входят следующие значения: способность влиять на что-то, совершать что-то; право распоряжаться, повелевать, управлять кем-либо и чем-либо; могущество, господство, сила; право управления государством, политическое господство, права и полномочия государственных органов. В самом широком смысле власть можно определить как способность субъекта обеспечить подчинение объекта в соответствии со своими намерениями (Ледяев В.Г.).

Уточним, что из всех видов власти мы выбираем в качестве приоритета для исследования именно общественно-политическую власть и ее художественную мифологию. Нас, вслед за писателями, будет интересовать власть как понятие, относящееся ко всем видам властных отношений в политической сфере, как то, что присутствует во всех общественных отношениях и событиях, которые оказывают существенное влияние на культурную жизнь общества. Наше внимание будет сосредоточено на мифопоэтическом и художественно-философском аспектах разработки тематики власти в произведениях Ф.М. Достоевского и М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Пристальное внимание в исследовании направлено на русскую мифологию власти, которую, по нашему мнению, Ф.М. Достоевский и М.Е. Щедрин каждый по-своему не просто поняли и описали, но и попытались реконструировать, проанализировать, выявить ее глубинные корни и более поздние уровни, современные наслоения. Кроме того, оба художника так или иначе власть демифологизировали, лишая ее священного ореола, и мифологизировали одновременно, подключая к ней собственные авторские мифы. Мифология власти – это совокупность мифов, окружающих власть как социальное явление, а также власть конкретного властителя (по убедительному суждению В.Ф. Халипова). Художественная мифология власти – это совокупность авторских мифов о власти, нашедших выражение в творчестве писателей и воплощенных в художественных образах Властителей и в архетипических сюжетах, описывающих властные отношения. Художественная

¹ Здесь и далее слова «Властитель» и «Герой» мы будем писать как условно-собственные имена с прописной буквы, когда «Властитель», «Герой» - это не персонажи, не исторические личности, а архетипические образы.

мифология власти всегда опирается на мифологию власти, существующую в данном культурном сообществе (культурную мифологию власти).

Особый интерес писателей к русской мифологии власти можно объяснить следующими соображениями. Во-первых, мифологемностью общественно-публицистического дискурса эпохи Великих реформ. Во-вторых, архаические формы организации власти и ее древняя мифология сохраняются в современных обществах и актуализируются при определенных обстоятельствах и в конкретных условиях. Во время социальных сдвигов, в периоды радикальных преобразований общество стихийно воспроизводит традиционные стереотипы политического поведения, основанные на соответствующих иррациональных представлениях о власти (В.В. Бочаров). В-третьих, несмотря на принципиальную разность художественных методов и стилей писателей, исследователи всерьез говорят о мифопоэтичности их художественных миров. Мифопоэтическим потенциалом обладает сатира (это показали Х. Уайт, Н. Фрай). Правомерность нашего интереса к мифологическому аспекту тематики власти и властных отношений в романном мире Ф.М. Достоевского можно обосновать особенностью художественного метода этого писателя – «фантастического реализма», в обозначении которого нейтрализуется бинарная оппозиция «фантастика» и «реальность». Можно говорить о демифологизации и неомифологизации русской власти в творчестве писателей, о создании «авторских мифов».

Чуткие к процессам, происходящим в массовом сознании и в коллективном бессознательном, ведущие литераторы и журналисты 60-х – 70-х г. XIX в. Ф.М. Достоевский и М.Е. Салтыков-Щедрин выступили в роли мифоборцев и мифотворцев Нового времени. Изнутри разных мифополитических систем рассматривали эти авторы и феномен власти, социально-политические и властные отношения в обществе. Достоевский больше тяготел к консервативному полюсу общественно-политического дискурса (его работа в «охранительном» журнале «Гражданин»), а в творчестве Щедрина нашли выражение многие константы политической мифологии революционной демократии («Современник», «Отечественные записки»).

Степень изученности проблемы. Феномен власти и властные отношения в обществе в последнее время находятся на пике популярности в общественных науках: политологии, философии, социологии, истории. Список работ, посвященных теме власти, исчисляется сотнями. Что касается литературоведческих исследований, то работа по изучению феномена власти в творчестве указанных русских писателей еще только начинается. Конечно, практически во всех крупных исследованиях, посвященных творчеству Ф.М. Достоевского и М.Е. Салтыкова-Щедрина, тема власти так или иначе затрагивается. Обычно исследователей интересует один аспект этой темы – социально-психологический. Так, к примеру, социально-психологический аспект тематики власти в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина рассматривается в работах Л.П. Гроссмана, С.А. Макашина, А.С. Бушмина, М.С. Горячкиной, В.В. Прозорова, А.М. Туркова, Д.П. Николаева и др.

Советское литературоведение вплотную подошло к исследованию темы власти в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина. При этом акцент делался на критику писателем верховной самодержавной власти, с одной стороны, и на «пассивность и бессознательность» подвластных – с другой (В.Я. Кирпотин, А.С. Бушмин). «Весь вопрос», по мнению этих исследователей, сводится к тому, чтобы «заставить «громаду» осознать свою силу и прорваться сквозь «наносные атомы», превратить энергию бездействия в энергию действия», то есть перейти от пассивного сопротивления властям к активной массовой борьбе. С.А. Макашин верно заметил, что Щедрин описал определенные черты общественной психологии и политического поведения русских. Но какие именно черты общественной психологии и стереотипы политического поведения описывает сатирик, в чем их истоки и смысл, это исследователем не изучается, так как не входит в его задачи.

В последние годы в саратовской литературоведческой школе под руководством В.В. Прозорова активно разрабатывается тема власти в русской литературе. В.В. Прозоров утверждает, что для русской традиции власть – это, прежде всего, категория нравственно-психологическая. Власть связана с представлениями о высшей силе, Боге и судьбе. В 2005 году под его руководством была защищена кандидатская диссертация С.В. Рюпиной «Мотивы власти в прозе Н.В. Гоголя», в которой рассматриваются ключевые «сюжетогенные» гоголевские мотивы власти в их непосредственном внутритекстовом воплощении. В 2008 г. под редакцией В.В. Прозорова и И.В. Кабановой вышел в свет сборник статей «Феноменология власти в сатире». Несколько статей сборника посвящены отношению М.Е. Салтыкова-Щедрина к феномену власти. В статье И.В. Кабановой «Типология властных отношений и теория сатиры: к постановке проблемы» указывается на взаимосвязь развития сатиры в обществе с характером и типом властных отношений, в нем господствующих. М.Н. Мироненко отмечает, что у Щедрина объектом художественного осмысления в «Помпадурах и помпадуршах» являются идеологические мифы современности, при этом специфика мифопоэтики Щедрина в том, что у него миф трансформируется в антимиф благодаря способу, которым он рассказывается.

В учебном пособии «Народ и власть в сатире М.Е. Салтыкова-Щедрина 1870-80-х годов» С.С. Минаева утверждает, что в творчестве Щедрина власть предстает как живой организм, имеющий свое начало, период расцвета и упадка, как «социально значимая историческая метафора, имеющая свой прототип в реальной жизни».

В 2012 г. была защищена докторская диссертация И.Б. Павловой «Проблемы русской национальной судьбы в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина: художественный, общественно-исторический и духовный аспекты» (Москва, 2012), в которой автор раскрывает концепцию русского мира, созданную Салтыковым-Щедриным, как художественную и социально-историческую системы взглядов на национальную судьбу. Отметим диссертационное исследование Т. А. Глазковой «Демифологизация реальности

в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина» (2009 г.), в котором демифологизация представляется как феномен культуры (в рамках историко-культурного подхода). В этой работе проанализированы литературные «сказки» писателя, в которых, по мнению исследователя, наиболее глубоко и последовательно представлена взаимосвязь мифа и реальности, правды и вымысла, смешного и грустного, усиливающаяся в результате целенаправленной демифологизации смыслов. Из последних исследований, посвященных творчеству М.Е. Салтыкова-Щедрина, следует отметить интересную работу историка Н.Е. Дорошенко, в которой автор изучает проблему взаимоотношений власти и народа в «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина и показывает, как характер русской политической власти (авторитаризм, патернализм, традиционализм, самодержавие) повлиял на историческое развитие России.

В исследованиях, посвященных творчеству Достоевского, социально-психологический аспект тематики власти затрагивается в работах Г.М. Фридендера, С.В. Белова, В.А. Туниманова, В.Я. Кирпотина, В.Д. Днепров, Н.В. Кашиной и др. В последнее время вновь возник повышенный интерес к изучению социально-политических и историософских взглядов Ф.М. Достоевского. Большой вклад в изучение этих проблем внесли статьи Л.И. Сараскиной, объединенные в книгу «Достоевский в созвучиях и притяжениях (От Пушкина до Солженицына)». Книга Л.И. Сараскиной «Бесы»: роман – предупреждение открыла новую страницу в изучении этого «самого спорного, самого многострадального», «провидческого» романа, самого главного, по мнению исследователя, произведения Достоевского. Тема власти в книге Л.И. Сараскиной возникает в связи с образами главного властолюбца романа Петруши Верховенского и губернатора фон Лембке. Исследователем подмечена генетическая связь философии представителей законной власти и формул власти «радикально-красной» молодежи с явлением самозванства.

К теме «Достоевский и власть» вплотную подошел И.Л. Волгин, впервые в отечественной науке рассмотрев проблему взаимоотношений Ф.М. Достоевского с русским императорским домом. Книга Волгина И.Л. «Колебясь над бездной. Достоевский и императорский дом» опирается на исторический и биографический материал. Автор привлекает значительное количество новых, ранее неизвестных архивных и мемуарных источников и приходит к выводу, что в сближении Ф.М. Достоевского с великими князьями и княгинями в конце 70-х г. XIX в. следует видеть не случайность, а последнюю попытку русской духовности «договориться» с русской исторической властью.

Исследованием истоков историософской и политической концепции Ф.М. Достоевского занималась А.Г. Гачева. Об особенностях политических взглядов Ф.М. Достоевского и его понимании роли русской власти и образа царя Александра II писала Т.А. Касаткина. Говоря о понимании Достоевским проблемы «власть и личность» и о его личных взаимоотношениях с современной ему русской властью, нельзя не упомянуть замечательную статью В.И. Габдулиной «Достоевский. Послания из ссылки в стихах и прозе», в которой автор исследует стихотворные послания, обращенные к власти

(Николаю I, его вдове и Александру II), написанные Достоевским в ссылке, так называемые «верноподданнические» патриотические оды. По мнению автора статьи, образ Александра II – «небес избранника» – в оде Достоевского обрисован в духе характерной для народного сознания сакрализации царя. Достоевский предстает перед взором исследователя носителем православной традиционной политической культуры.

Нельзя не упомянуть статью П. Фокина «Типология харизматического лидерства в романах Ф.М. Достоевского». По мысли исследователя, Достоевскому принадлежит право первооткрывателя типа харизматической личности в русской литературе. Здесь же схематично дается система типов: формальные и неформальные лидеры, самозванцы, скрытые лидеры или «серые кардиналы», харизматические лидеры. В современном литературоведении тема власти в творчестве Ф.М. Достоевского возникает, прежде всего, в связи с образом Великого Инквизитора. Здесь стоит отметить исследования П. Фокина, В.А. Бачинина, А.Е. Кунильского и др.

Отдельного внимания заслуживают работы, посвященные сопоставлению художественного творчества, идеологических и социально-политических установок и творческих методов Ф.М. Достоевского и М.Е. Салтыкова-Щедрина. В ставшей классическим исследованием монографии С. Борщевского «Щедрин и Достоевский: история их идейной борьбы» писатели представлены идеологическими и политическими противниками, у которых практически нет точек соприкосновения во взглядах на общественно-политическую жизнь страны. При всем богатстве фактического материала и достаточно интересных наблюдениях над текстами произведений монография С. Борщевского отличается некоторой социологизированностью. Взгляд автора иногда задерживается только на одном аспекте темы власти – социальном. Известный щедриновед С. Макашин обозначил подход С. Борщевского к сложной теме Щедрин-Достоевский как «щедриноцентристский». Сам С. Макашин в своей книге, посвященной биографии М.Е. Салтыкова-Щедрина, по поводу взаимоотношений писателей в 70-е гг. замечает, что они внимательно следили за писательской деятельностью друг друга и во взаимных отзывах о ней сочетали критику, определяющуюся идейными позициями каждого, с высокими общими «художественными» оценками.² В.А. Туниманов в главе «Достоевский и Салтыков-Щедрин» своей книги о Достоевском указывает на близость литературно-эстетических позиций писателей при всех несомненных, даже колоссальных отличиях. Об особенностях взаимоотношений этих русских художников исследователь пишет: «Что касается Достоевского, то он, кажется, испытывал одинаковую потребность в добрососедских отношениях с Щедриным и в острой полемике с влиятельным и талантливым диалектиком. (...) Достоевский был жизненно заинтересован в аргументах, антикритике

²Макашин С. Салтыков-Щедрин. Последние годы 1875-1889. Биография. - М.: Худ. лит., 1989. – С.109.

Щедрина, в его острых и пронизательных сарказмах. То была жажда литературного и идейного боя».³

Современные исследования этой темы, в основном статьи, посвящены либо эстетическим взглядам писателей, либо их идейным спорам, либо сравнительно-сопоставительному анализу конкретных образов (Захарова Т.В., Павлова И.Б., Ахметова Г.А. и др.). Особого внимания заслуживает кандидатская диссертация Колесникова А.А., в которой исследуются особенности осмысления и переосмысления библейского архетипа «Жертвы» в романах М.Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» и Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». В итоге мы пришли к выводу о недостаточной изученности и фрагментарности освящения темы «Щедрин и Достоевский» в современном литературоведении.

Социальный феномен власти является объектом междисциплинарных исследований философии, истории, социологии, политологии, антропологии, психологии и, наконец, филологии. Это способствует диалогу и взаимообогащению общественных и гуманитарных наук. Возникают новые направления, например, антропология власти. Литературоведение же только подходит к изучению феномена власти в понимании русских художников слова, в частности, М.Е. Салтыкова-Щедрина и Ф.М. Достоевского. Обычно исследователи выделяют какой-то один аспект тематики власти. Целостного системного анализа этой темы, как и серьезного монографического ее исследования, предпринято до сих пор не было. Реконструкция авторских мифов является одной из актуальных задач современного литературоведения. И в целом сложная тема «Щедрин и Достоевский» изучена мало и фрагментарно. Этим объясняется **актуальность** диссертации.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в работе впервые исследуется авторское понимание феномена власти великими русскими художниками-мыслителями Ф.М. Достоевским и М.Е. Салтыковым-Щедриным. Впервые рассмотрены мифопоэтический и художественно-философский аспекты тематики власти и властных отношений в произведениях писателей; установлены приоритеты в изображении типов властных отношений и распределения внимания к аспектам тематики власти в творчестве писателей; произведен сравнительно-сопоставительный анализ произведений писателей, посвященных данной тематике («Истории одного города» и «Бесов»); проанализированы особенности подходов художников к проблемам «власть и личность», «власть и общество», «власть и народ»; указаны основные внутренние конфликты русской политической культуры, нашедшие отражение в творчестве писателей; выявлена система мифологических образов-символов, архетипических образов, связанных с тематикой власти; выявлены уровни властных отношений, нашедшие отражение в художественных мирах писателей; описана система знаков-символов власти в произведениях писателей; проанализированы подмеченные ими принципы и традиции

³Туниманов В.А. Достоевский и Салтыков-Щедрин // Туниманов В.А. Творчество Достоевского. 1854-1862. Л.: Наука, 1980. – 225-245. С.228.

организации властных отношений в русском обществе, в том числе этикет, регламентирующий общение властного лица и подвластных, поведенческие стереотипы и система табу; выявлены типы власти и особенности их осмысления в художественной философии Ф.М. Достоевского; очерчен круг вопросов, поставленных русскими художниками в связи с феноменом властной харизмы.

В качестве приоритетных нами выбраны следующие **методологические подходы**: историко-литературный, историко-типологический, сравнительно-исторический, историко-культурный методы, методы интертекстуального и мифопоэтического анализа литературных произведений.

Теоретико-методологическую базу диссертации составляют работы по семиотике, мифологии, фольклору, культурологии С.С. Аверинцева, М.Ю. Лотмана, Б.А. Успенского, В.М. Живова, М.Б. Плюхановой, К.А. Щедриной, Л.А. Андреевой, А. Безансона, М.А. Бойцова, А.Ф. Лосева, Т.А. Глазковой, Н.В. Квицидзе, Е.С. Козиной, М. Могильнер, В.Н. Топорова, Д. Фрэзера, К. Хюбнера, К.В. Чистова, Т.Б. Щепанской, М. Элиаде.

Наше исследование опирается на труды литературоведов М.М. Бахтина, В.А. Бачинина, С. Борщевского, С.Г. Бочарова, В.В. Борисовой, А.П. Власкина, В.И. Габдулиной, А.Г. Гачевой, В.В. Дудкина, В.В. Иванова, И.В. Кабановой, Т.А. Касаткиной, В.Я. Кирпотина, А.Е. Кунильского, С.А. Макашина, М.Н. Мироненко, Н.Г. Михновец, М.И. Назаренко, Р. Г. Назирова, В.С. Нечаевой, Д.П. Николаева, И.Б. Павловой, Е.Н. Пенской, В.В. Прозорова, Е.Е. Приказчиковой, Е.К. Созиной, Л.И. Сараскиной, К.А. Степаняна, Б.Н. Тихомирова, В.А. Туниманова, А.М. Туркова, П. Фокина, Г.М. Фридендера, Г.К. Щенникова, О.Ю. Юрьевой. В своем понимании особенностей публицистического дискурса эпохи Великих реформ и роли в нем сатиры («революционного гротеска») мы опирались на исследования К. Платта.

На наше понимание природы, принципов организации и функционирования власти в русской культуре большое влияние оказала коллективная монография «Антропология власти» под редакцией В.В. Бочарова. В диссертации учитываются работы политологов, философов, историков - Н.А. Бердяева, П. Бурдьё, М. Вебера, Г.В. Вернадского, А.В. Гулыги, А.Н. Боханова, М.П. Арутюняна, В.А. Смолякова, А.К. Байбурина, Н.Е. Дорошенко, А.Л. Топорова, В.О. Ключевского, А. Кожева, А. Кольева, Р. Лаута, В.Г. Ледяева, К. Лембке, Н.О. Лосского, В. Одайника, В. Полосина, Г.П. Флоровского, А. Цуладзе.

Предметом исследования является художественное воспроизведение в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина и Ф.М. Достоевского феномена власти в его мифопоэтическом и художественно-философском аспектах.

Научным **объектом** служат художественные произведения Щедрина и Достоевского, в которых наиболее широко и вариативно представлена тема власти. Корпус конкретных художественных материалов для исследования составили произведения Ф.М. Достоевского «Двойник», «Село Степанчиково и его обитатели», «Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы». У

М.Е. Салтыкова-Щедрина наше внимание привлекают преимущественно «Губернские очерки», «История одного города», «Помпадурсы и помпадурши». По ходу исследования анализируется и ряд других произведений указанных авторов.

Целью диссертации является исследование авторского понимания власти Ф.М. Достоевским и М.Е. Салтыковым-Щедриным и своеобразие выраженности этого понимания в художественном творчестве обоих писателей.

Для достижения заявленной цели в работе были поставлены следующие **задачи**:

- выявить систему дохристианских и христианских мифологических образов, связанных с темой власти и вошедших в художественные миры писателей;
- изучить особенности функционирования в художественных мирах писателей современной им политической мифологии власти;
- описать базовые архетипы и архетипические образы русской мифологии власти, подмеченные художниками;
- осмыслить художественно воспроизведенные писателями принципы организации властных отношений в русском обществе, а также этикет, регламентирующий общение властного лица и подвластных, поведенческие стереотипы и табу, систему знаков-символов власти;
- осмыслить уровни властных отношений, описанных художниками, и их отражение в конкретных произведениях: уровень ТПК (дохристианской традиционной политической культуры; политической культуры православной средневековой Руси) и уровень РПК (рационально-правовой политической культуры западно-европейского типа);⁴
- проанализировать отражение в творчестве писателей важнейших внутренних конфликтов русской политической культуры;
- выявить типологическую систему власти и властных отношений, воспроизведенную художниками;
- выявить авторские приоритеты в изображении типов властных отношений и аспектов тематики власти, а также особенности художественно-философского осмысления этих типов в творчестве Щедрина и Достоевского;
- рассмотреть выражение феномена лидерской (властной) харизмы в творчестве писателей.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы диссертации могут быть использованы при изучении курсов истории русской литературы и истории отечественной журналистики в высшей школе, а также спецкурсов и спецсеминаров по творчеству Достоевского и Салтыкова-Щедрина.

Теоретическая значимость предпринятого исследования обусловлена совмещением историко-типологического и мифопоэтического подходов при анализе художественного и публицистического материала. Исследование существенно расширяет представление о проблематике творчества Ф.М.

⁴ Здесь и далее мы будем использовать аббревиатуры: ТПК – традиционная политическая культура; РПК – рационально-правовая политическая культура западно-европейского образца.

Достоевского и М.Е. Салтыкова-Щедрина и о специфике их художественного сознания, что будет способствовать дальнейшему изучению их творчества. Работа вносит для докторской значительный вклад в осмысление проблемы власти и общества, проблемы взаимовлияния культурной мифологии русской власти и русской классической литературы эпохи Великих реформ.

Апробация результатов исследования. По итогам исследования опубликованы 2 монографии, глава в коллективной монографии, 34 статьи, из них 17 – в журналах, включенных в реестр ВАК. Основные положения диссертационного исследования, теоретические подходы и выводы были представлены в докладах на XVII, XVIII, XIX, XXI, XXII Международных Старорусских чтениях «Достоевский и современность», проходивших с 23.05. по 26.05.2002 г., с 23.05. по 26.05. 2003 г., с 22.05 по 25. 05. 2004 г., с 21. 05 по 25. 05. 2006 г., с 21. 05 по 25. 05. 2007 г. в Новгородском государственном объединенном музее-заповеднике «Дом-музей Ф.М. Достоевского» г. Старая Русса; на XXXI, XXXII, XXXVI Международных чтениях «Достоевский и мировая культура», проходивших с 9.11 по 12.11. 2006 г., с 8.11. по 11.11. 2007 г. и с 10.11. по 13.11. 2011 г. в Литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского в г. Санкт-Петербурге; на VII Ручьевских чтениях «Литературный процесс в зеркале рубежного сознания» (5.10.2004 – 6.10.2004 г., г. Магнитогорск); на VIII Ручьевских чтениях «Изменяющаяся Россия в литературном дискурсе» (2007 г., г. Магнитогорск); на научно-практической конференции «Фольклор и литература в историческом и типологическом аспектах» (14.05. 2011 –15. 05. 2011г. в г. Магнитогорске).

Материалы и результаты исследования нашли практическое применение в чтении курсов «История отечественной литературы XIX в.», «История отечественной журналистики XIX в.», «История литературной критики», спецкурсов «Мифологизация в СМИ» и «Мифология власти и власть мифологии в публицистическом дискурсе эпохи Великих реформ».

Положения, выносимые на защиту:

1. Ф.М. Достоевский и М.Е. Салтыков-Щедрин выступают в роли ремифологизаторов власти: интуитивно они выходят на архаические законы властных отношений, описывают современную мифологию власти, опирающуюся на соответствующую древнюю мифологию. Одновременно художники являются и демифологизаторами русской политической власти, сознательно разоблачая ее антигуманную, антинародную сущность, подключая к ней образ самозванца (Щедрин) либо невольно рисуя ее слабой и безответственной, вопреки собственным идеологическим установкам (Достоевский в «Бесах»).
2. Оба писателя подмечают связь современной им политической культуры имперской России царствования Александра II с традиционной политической культурой. В произведениях Достоевского и Щедрина мы находим воспроизведение рудиментов архаических (дохристианских) представлений о власти как сакральной силе, связанной с миром предков (образы медведя, змея, оборотня). Оба художника обнаруживают в современной культуре русских

«негласные законы», основанные на поведенческих пищевых и сексуальных табу, заложенных в ТПК. Щедрин, описывая властные отношения в обществе, по сути дела, рисует архаические модели поведения и принципы организации власти.

3. Ф.М. Достоевский и М.Е. Салтыков-Щедрин обратили внимание на патернализм в русских властных отношениях, и оба показали кризис власти как кризис ответственности.

4. Оба художника были знакомы с христианской концепцией власти. В их творчестве выражены косвенные доказательства того, что в памяти людей, близких к традиционному сознанию, еще живы средневековые представления о власти и властных отношениях. Подключая христианскую мифологию, Достоевский выводит два совершенно противоположных типа власти, видит два разнонаправленных вектора, действующих в социальной истории: власть как искушение дьяволом и власть как воля Божья. Художественные образы власти у Достоевского и Щедрина ориентированы на христианские (Пастыря, стада, разбойника, Христа и апостолов, дьявола).

5. Оба писателя исследовали феномен лидерской (властной) харизмы. В произведениях Щедрина властная харизма содержится в самой должности Властителя (мундире), а у Достоевского главные герои «пятикнижия» обладают харизмой от природы.

6. Достоевский сосредоточился на художественной философии власти, исследовал духовную, религиозно-нравственную сторону властных отношений, феномен харизматического лидерства, амбивалентный феномен тиранства-рабства. В романах Достоевского описаны типы власти: власть Отца, власть Господина, власть Вождя, власть Судьи.

7. В творчестве великих художников слова М.Е. Салтыкова-Щедрина и Ф.М. Достоевского отразились важнейшие внутренние культурные конфликты эпохи: конфликт между феноменом сакрализации власти (в ее тенденции к самообожествлению) и традиционным православным сознанием, воспринимающим эту тенденцию как самозваную претензию земной власти на роль Отца небесного; конфликт между феноменом самосакрализации русской власти и сознанием русской интеллигенции, воспитанной в секуляризованной культуре европейского типа. И Достоевский, и Щедрин описывают ситуацию культурного конфликта между традиционной политической культурой народа, в котором еще живы христианские представления о наместническом и отцовском характере русской власти, с одной стороны, и феноменами «самосакрализации» власти и «самомифологизации» русской политизированной интеллигенции, к этой власти стремящейся, с другой.

Структура диссертационной работы подчинена решению задач исследования. Разделение на главы произведено по хронологическому принципу и по произведениям, что дает возможность проследить развитие темы в течение всего периода творчества каждого из писателей, начиная с ранних произведений, и отметить изменения, происходящие в авторской интерпретации власти и властных отношений в обществе. Работа включает в

себя введение, пять глав, состоящих из пятнадцати параграфов, заключение и библиографический список. Объем диссертации – 465с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяются цель, задачи и методология исследования, его актуальность и научная новизна, обосновывается структура диссертации.

Первая глава **«Тема власти в ранних произведениях Ф.М. Достоевского и М.Е. Салтыкова-Щедрина»** посвящена осмыслению феномена власти Ф.М. Достоевским («Двойник», «Село Степанчиково и его обитатели») и М.Е. Салтыковым-Щедриным («Губернские очерки») в произведениях 40-х – 50-х годов. В первом параграфе I главы анализируются ранние произведения Ф.М. Достоевского. На тему власти Достоевский выходит уже в 40-е гг. в «Бедных людях» и в «Двойнике». В ранних произведениях тема власти вырастает из более мощной темы иерархического социума. Четкая иерархия человеческого социума во многом обусловливается феноменом власти. В изображении русской литературы социальная иерархия несет в себе, с одной стороны, черты сакрального (божественного по своему происхождению) космоса. С другой стороны, в литературе XIX века было сильно сатирическое начало, которое «взрывало изнутри» привычные представления о «правильном» русском мироустройстве, усматривая в нем несомненный вызов элементарному здравому смыслу, что вело к демифологизации социального устройства и десакрализации власти.

Начальник, «Его превосходительство» для «маленького человека» в повести Достоевского воплощает в себе некое космическое начало, высшую силу, сакральную власть. В трудную минуту петербургский чиновник Голядкин начинает вдруг воспроизводить традиционные стереотипы и поведенческие модели властных отношений, характерные для средневековой культуры: «почитать за Отца», «пасть к ногам», «униженно испрашивать», «передавать судьбу в руки» Властителя. Просьбу *«безбожный* и самодовольный подмен уничтожить» начальник способен удовлетворить, потому что в какой-то степени является гарантом правильного, божественного порядка, «живым образом» сакрального первообраза, воплотившим в себе наместническую модель власти. Достоевский очень тонко прочувствовал отеческую природу русской власти. Несколько раз в повести использует формулу «начальник-отец» Голядкин. В художественном мире Достоевского герои, наделенные реальной властью, будучи носителями секуляризованной и ориентированной на Европу политической культуры, почти никогда не транслируют древнерусскую, православную концепцию власти. Власть словно забыла свои традиционные полномочия и функции. (Здесь имеются в виду, прежде всего, христианские идеи, связанные с феноменом наместничества, восприятием Властителя как живого образа сакрального первообраза Иисуса Христа: требование к власти

быть милосердной, справедливой, по-отечески мудрой, человеколюбивой, братолюбивой, ответственной перед Богом за «малых сих», быть «пастырем» и связанные с этим ожидания от нее праведного Суда, Спасения.) Возможно, единственным исключением из этого правила является образ генерала – начальника Макара Девушкина («Бедные люди»), который не только подает милостыню, но и готов разделить с героем ответственность за грех.

Отеческая семантика власти подчеркивается и в определении, которое Голядкин дает своему непосредственному начальнику – «медведь». Наименование начальника «медведем» определяется древними дохристианскими представлениями о Властителе как маге, связанном с миром предков, «иным» миром. Голядкин нарушает негласное табу на произнесение имени «начальника» в прямом соотношении с его прозвищем («вторым» табуированным именем). Попытка Голядкина иронизировать над начальником, забыв на мгновение сакральный смысл власти и ее мистическую связь с миром предков, инициирует жизненную катастрофу, приведшую в дальнейшем к появлению двойника и сумасшествию героя. Свое фиаско, «выпадение» из социально-иерархической системы герой воспринимает как дьявольскую интригу самозванца и месть «медведя» (первопредка). Мечь «медведя»-«начальника» объясняется древнейшими законами традиционной политической культуры (ТПК), которые предполагают строжайшее наказание за несоблюдение подчиненными этикета и поведенческих табу, регламентирующих взаимодействие между соподчиненными элементами общества. В «Двойнике» Достоевского ремифологизированы древние дохристианские представления о власти как магической силе, связанной с миром мертвых, с предками.

Особую роль в оформлении властных отношений играют символы власти. Под символами власти мы будем понимать не только некие материальные предметы (знаки), но и модели поведения, маркирующие место, занимаемое индивидом в общественной иерархии (В.В. Бочаров). В самом начале повести Голядкин стремится продемонстрировать окружающим знаки власти, которые явно не соответствуют его социальному положению. Вооружившись этими материальными атрибутами, Голядкин чувствует себя человеком иного социального статуса и совершает несколько фатальных ошибок, отступая от принятого в чиновничьем мире этикета взаимодействия между соподчиненными элементами. Он начинает нарушать негласный закон демонстрации власти имущим знаков лояльности. Нарушение стереотипов поведения ведет к смене знака, и вот уже поведение Голядкина прочитывается социумом как анти-поведение, т.е. обратное, перевернутое, опрокинутое поведение, характерное для «нежити» или «нечисти».

У Достоевского остается открытым вопрос, болезнь есть следствие нарушения иерархии, или нарушение иерархии – следствие душевной болезни (точно так же, как остается открытым вопрос, а болезнь ли это, или двойник – реальное лицо). В «Двойнике» нарушение иерархии становится как причиной, так и следствием появления двойника-самозванца. С другой стороны,

«обожение» социального космоса, религиозное поклонение разного рода социальным отчуждениям, «мнимостям», сакрализация «Его Превосходительства» напрямую ведут к самозванству личности. В связи с этим перед «человеком социальным» стоит задача вписаться в общество и не потерять свою личность. Герои Достоевского по-разному ее решают, не всегда с ней справляясь. В «Двойнике» с поразительной точностью и глубиной дана картина чиновничьей культуры середины XIX в. с ее властной иерархией, поведенческими стереотипами и этикетом взаимодействия между соподчиненными элементами в обществе.

В 1859 г. в повести «Село Степанчиково и его обитатели» Достоевский подходит к исследованию феномена «харизмы власти», психологии харизматического лидера, тайны психологического превосходства и подчинения. В повести отражаются древние представления о магической природе власти («обморочил», «зачитал» и т.д.), при этом научные знания выступают в роли магического, колдовского знания. Некоторые поступки героя актуализируют архетипическую корреляцию власти и времени (его претензия управлять временем, менять местами дни недели, посягательство на церковный календарь, вмешательство в ход полевых работ, претензия на роль пророка, предсказателя будущего и толкователя снов). Имитация архетипических жестов великих Властителей проявляется и в стремлении Фомы Фомича влиять на «ход вещей», устанавливать новые правила, нормы в поведении и во внешности «подданных».

Особая роль Властителя, которую играет Фома Опискин в своем кругу, закрепляется с помощью символов власти. В набор поведенческих стереотипов властных отношений, установленных героем, входят следующие: Властителя нельзя перебивать; прибытие Властителя возвещает слуга; нельзя садиться за стол и начинать трапезу без Владыки; нельзя смотреть в глаза распекающему тебя Властителю; необходимо поклониться при встрече с Властителем. Нарушая принятый в дворянском обществе этикет, герой устанавливает свой личный этикет властных отношений. При этом соблюдается принцип асимметрии поведения властвующих и подвластных: подвластным запрещено делать то, что позволяет себе Властитель. Все вышеперечисленные правила, при всей их внешней абсурдности и иронии автора-повествователя, опираются на древние табу (запреты), принятые в архаических обществах по отношению к Властителю (вождю-царю).

В сцене с «Его превосходительством» происходит «интронизация» «проклятого Фомки». Наименование титулом «Ваше превосходительство» становится магическим актом номинации, вызывающим к жизни самоосвященное «Высшее» лицо. Любая, а тем более вышедшая «из грязи», власть остро нуждается в символизации своего статуса. Подмеченные Достоевским знаки власти и знаки лояльности, демонстрируемые ей подвластными, не просто маркируют власть, но и организуют, оформляют, а иногда и замещают ее. Символы власти становятся, по сути, самой этой властью, ей тождественны.

Для описания власти Фомы в тексте используются следующие образы: Царь - Отец - Духовное лицо (Патриарх). Все эти образы актуализируют власть Отца, власть в традиционном ее варианте. Из всех перечисленных ролей власти «излюбленной» для Фомы Опискина становится роль духовного лица. В этом образе героя больше всего привлекает возможность олицетворять собой высшую духовность, мораль и нравственность и в таком качестве беспрепятственно покушаться на душу человека.

С темой власти связана тема рабства. По своей семантике раб – персона смерти (Фома), как царь – персона жизни (Ростанев). Другим вариантом образа раба является шут (дурак). Опираясь на архетипический сюжет воцарения и разоблачения карнавального царя-шута, Достоевский в «Селе Степанчикове» приступил к разработке важнейшей для него темы духовной власти и амбивалентного феномена тиранства – рабства. Начиная с «Села Степанчикова» под пристальное внимание Достоевского попадает феномен самооборачиваемости раба в тирана. Внутренняя готовность «малых сих» к тирании, к «сечению» розгами подвластных подмечена не только Достоевским, но позднее и Салтыковым-Щедриным в образах помпадуров и городничих. Используя семантику карнавала, писатель выходит на более важную для русской истории и русской литературы тему самозванства.

Второй параграф I главы посвящен изучению темы власти в «Губернских очерках» (1856-1857 гг.) М.Е. Салтыкова-Щедрина. В «Губернских очерках» Щедрин вплотную подходит к исследованию такой разновидности власти, как власть политическая, то есть к исследованию власти как социально-политического феномена, присутствующего во всех общественных отношениях и событиях, которые оказывают существенное влияние на жизнь социальной общности (общества) в целом. «Губернские очерки» написаны Щедриным под впечатлением от службы в провинции, где он мог наблюдать реальную картину взаимоотношений между властью имущими и подвластными, характерную для России конца 50-х годов XIX в. Щедрин подключает к исследованию властных отношений в обществе маркированные понятия дискурса эпохи социальных преобразований «произвол»-«закон». При этом понятие «произвола» соотносится автором с «прошлыми временами». Неписанный этикет взаимодействия между соподчиненными элементами, установленный в «прошлые времена», требует от самых обделенных слоев общества безусловного, немотивированного подчинения властной воле. Именно эмоция страха обеспечивает психологическую соподчиненность индивидов в Российском обществе Николаевского царствования, формируя психологию подчинения, повиновения у одних и чувство превосходства у вторых. Элита русского общества старается соблюдать дистанцию между собой и подчиненными, внушая им уважение и «некоторый страх».

В «Губернских очерках» Щедрин подходит к теме взяточничества как писатель-реалист, видя в нем системный порок бюрократической культуры российского общества эпохи Николая I, знак времени. Но уже в этом произведении можно увидеть намек на то, что взятка – это своеобразная

традиционная «дань», рудимент сохранившейся в современной культуре архаической модели властного поведения. Взятка трактуется как долг общества «администратору», которому по должности необходимо обладать определенным набором символов и знаков власти. Отметим, что Щедрин, как и Достоевский, обратил внимание на стремление русской власти к символизации своего статуса.

В главе «Озорники» «Губернских очерков» Щедрин показывает отрыв власти от корней, «почвы», отказ от национальной мифологии. Администратор декларативно заявляет отказ от «отцовства» власти, от ответственности за «малых сих», т.е. по сути, от христианской концепции власти в пользу новомодных европейских теорий, которые совершенно не работают на русской почве. Власть «Отца» подменяется «принципом чистой творческой администрации», а государство превращается в «машину». При этом «администрация» в отношениях с народом активно использует образ «Батюшки-царя» для достижения своих целей (обогащения).

Несмотря на то, что автор «Губернских очерков» еще верил в возможность реформирования общества «сверху», перевоспитания его в духе либерализма и уважения к человеческим правам и свободам, в тексте мы можем впервые обнаружить подмеченную Щедриным курьезную культурную двойственность «новых» чиновников от правительств и их личной философии. Благоприобретенная прогрессивность не мешает «новым» управленцам воспроизводить традиционные поведенческие стереотипы русской власти (держат народ «в страхе», «брать дань»). Народ «прогрессивными» властью имущими продолжает восприниматься как «скот», стадо «баранов». В Библии пастух и стадо метафорически описывают властные отношения в человеческом обществе (образ Пастыря доброго). «Новые» управленцы забыли эти, еще живущие в памяти народа, укоренившиеся в его менталитете образы.

Мы можем утверждать, что в произведениях, в которых сильно сатирическое начало, художники (Достоевский, как и до него Гоголь, а чуть позднее Салтыков-Щедрин) неизменно выступают в роли ремифологизаторов власти и ее демифологизаторов одновременно. И в произведениях Достоевского, и у Щедрина мы можем найти рудименты архаических, еще дохристианских, сформированных на самом начальном этапе социогенеза представлений о власти как сакральной силе, воплощающей в себе волю предков и некий сверхъестественный авторитет. Особо пристальное внимание художники уделяли феномену современной им мифологии власти, характерной для русской чиновничьей культуры, с ее особыми ритуалами и символами, с жесткой табуированной иерархией. Оба художника подмечают странную связь современной политической культуры с древними представлениями о власти и властных отношениях. В таком случае «стол» (пища) оказывается не просто жизненной необходимостью, а маркером властных отношений, «взятка» имеет привкус древней дани, а в страхе перед начальником есть что-то от мистического ужаса перед древними табуированными Властителями.

Отметим, что Достоевский с исследования мифологии власти начал («Двойник») свой творческий путь, но ушел в дальнейшем в философию, феноменологию власти. Уже в «Селе Степанчиково» он проявляет интерес к исследованию природы властной харизмы. Его более интересует тип «духовной» власти, психология лидерства и подчинения, амбивалентный феномен тиранства-рабства. Щедрин вплотную подошел к разработке темы духовной власти в «Губернских очерках» в образе Мавры Кузьмовны (глава «Матушка Мавра Кузьмовна»), но не подверг эту тему детальной разработке. Отметим, что у Щедрина почти нет героев, которых можно было бы назвать харизматиками «по природе», то есть обладающих лидерской харизмой от рождения, способных увлечь за собой массы, возглавить политическое движение. Но в его дальнейшем творчестве мы неоднократно будем встречаться с образами харизматиков «по должности», то есть с тем, что мы условно обозначили «неистинной» харизмой.

Оба художника, безусловно, были знакомы с христианской концепцией власти, что нашло отражение и в их ранних произведениях. Оба писателя обратили внимание на патернализм в русских властных отношениях, и оба показали кризис власти как кризис ответственности. Оба писателя в своих ранних произведениях разоблачают самозванную сущность власти. Но у Достоевского появление самозванца показано как личная трагедия человека, встроеного во властную иерархию и эту иерархию нарушающего («Двойник»), или как трагедия семейная (тиран, претендующий на духовную власть над окружающими, появляется в тесном патриархальном мире отдельно взятой семьи в «Селе Степанчиково»). У Щедрина же самозванство – явление политической жизни российского общества. Характерный для зрелого сатирика способ разоблачения власти через подключение архетипа «самозванца» в зародыше содержится уже в главе «Юродивые» «Губернских очерков».

Во второй главе диссертации **«Художественная мифология власти в «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина»** исследуются проблемы властных отношений и соотношения власти и закона в «глуповском» обществе. Описываются феномены сакрализации и десакрализации власти. Отмечается выражение архаических законов (пищевых и сексуальных табу) и стереотипов поведения в социальном пространстве, описанном Щедриным. Анализируется взгляд Щедрина на особенности мужского и женского поведения во власти, на мужские и женские образы власти. Комментируются временно-пространственные измерения власти в «Истории одного города», а также отношение писателя к официальной исторической мифологии, в частности к легенде о призвании варягов на Русь.

В первом параграфе главы II исследуются феномены сакрализации и десакрализации власти в «Истории одного города». Конечно, нельзя ставить знак равенства между глуповскими «обывателями» и русским народом, но нельзя отрицать и тот очевидный факт, что важнейшие особенности мировоззрения и семантика поступков глуповцев обусловлены поведенческими стереотипами и табу, содержащимися в традиционной политической культуре

русских. Все события «Истории одного города» так или иначе ориентированы, повторяют семиотически отмеченные в историческом плане, т.е. значимые для русской истории события. В иерархических отношениях глуповских «начальника» и «титуляришки» настойчиво повторяются традиционные модели поведения Властителя и подданных, и самые «просвещенные» либералы, приехав из Петербурга в провинцию, фантастическим образом «обращаются» в закоснелых «консерваторов-реакционеров». В каждом событии глуповской истории можно увидеть столкновение РПК с ТПК.

В «Истории одного города» Щедрин иронизирует над склонностью народа мистифицировать власть. В именах и поведении глуповских начальников отразились архаические представления о власти царей, о двойном происхождении избранного рода царей от человека и змея, связанные с понятием о двойственном характере харизмы власти. Как показывает Щедрин, представление о «вездесущности» и «недремлющем оке» власти, о ее «исцеляющей», «животворящей» силе и магических способностях глубоко укоренено в политической культуре русских. У Щедрина «хтоническое» и «разрушительное» в образах глуповского начальства является ключом, тайным кодом для дешифровки мифа о богоизбранности власти.

Главной задачей Щедрина являлась перекодировка идеологических мифов и противостояния им. Но попутно автору удалось обнаружить мифологичность традиционного властного дискурса и реконструировать русскую мифологию власти. Верно подмечая закономерности ТПК русских, Щедрин работает на снижение, разоблачение мифологии русской власти. Абсурдные смысловые перевертыши, обнаруженные в тексте, работают на оценочную перекодировку изображаемых явлений. Так в щедринском художественном мире миф превращается в антимиф.

Во втором параграфе II главы исследуется проблема взаимоотношений власти и закона в «Истории...». Оказывается, что законы в Глупове существуют только в виде архаических запретов, системы табу, доставшейся глуповцам в наследство от предков, т. е. только в том виде, в каком они находятся в традиционной политической дохристианской культуре. Двумя универсальными видами древних запретов, сохранившими свое значение в организации властных отношений современного общества, являются пищевые и сексуальные запреты.

В «Истории...» «каша с маслом» и «каша без масла» – это не просто еда, а знак, семиотически оформляющий традиционную политическую и социальную культуру русских. Причем маркировка властных отношений через пищу подается как необходимое условие сохранения общественного космоса. Любое нарушение пищевых запретов может привести к катастрофе. Другим универсальным запретом, на основании которого были сформулированы негласные законы общественных отношений, вошедшие в ТПК русских, является сексуальный запрет. В крепостнической России «правом» нарушения табу и контролем за сексуальным поведением простого народа (крестьян) обладали «высшие слои общества» – помещики. Случаи злоупотребления

таким правом описаны в литературе и были известны Салтыкову-Щедрину, который, исполняя должность рязанского вице-губернатора, занимался делами о злоупотреблениях помещичьей властью (в том числе и «постельной барщиной»).

Образы русских «сластолюбивых» Властителей представлены в «Истории одного города» фигурами Фердыщенко, Микаладзе и Грустилова. В общественно-публицистическом дискурсе власть часто описывается в терминах мужских репродуктивных ролей: «отец», «супруг», «возлюбленный», «насильник», «аскет», «импотент». Из всех этих ролей Салтыков-Щедрин выбирает две: возлюбленного и насильника. Если обычно метафора «возлюбленного» используется как средство подкрепления власти, а для выражения программ отторжения–метафора «насильника», то в щедринской сатире соединяется несоединимое. Власть ведет себя как «возлюбленный насильник». Такой двусмысленный феномен подчеркивает двойственную природу властной харизмы глуповских градоначальников.

Народ гордится неумемной сексуальностью своего «начальства», и то, что является «табу», запретом для «смердов», становится нормой для «начальника». Половая распущенность Властителя встречает одобрение и поощрение у подвластных (образ Фердыщенко). В любовном поведении щедринских градоначальников и помпадуров отразились древние представления об «обновлении» сил старого, дряхлеющего Властителя через связь с молодыми наложницами и о том, что сексуальная мощь вождя благотворно влияет на народ. Рудименты указанных представлений содержатся и в ТПК русских, как показывает Щедрин. Народ на начальном этапе поддерживает Властителя, нарушающего сексуальные табу. Только тогда, когда глуповцев постигает «несчастье», обыватели вспоминают христианские нормы. Через мощный слой архаической ТПК прорываются, как бы «припоминаются», христианские религиозно-политические представления.

Законы государственные традиционно игнорируются глуповскими градоначальниками и даже подвергаются символическому «разоблачению», «снижению» (ритуал «восседания» на книге (законов)). Традиция «усаживания на закон» в художественном мире Щедрина становится парадигматическим действием власти. Эпизод дважды встречается и в «Помпадурах и помпадуршах», что доказывает семиотическую значимость этого поступка правителя. Здесь же отметим, что этот эпизод введен Щедриным в повествование для того, чтобы репрезентировать поведение Властителей как антиповедение, культуру межвластных отношений как антикультуру. Русскую мифологию власти Щедрин разоблачает, подключая к ней миф о самозванце на троне. Так в мире щедринской сатиры власть обнаруживает свою «неподлинную», самозваную сущность. Щедрин показывает русское общество как общество традиционное, в котором живы архаические представления, эксплуатируемые властью для легитимизации и удержания подвластных в подчинении. Это должно привести читателей к выводу, что просвещение не удалось в России, которая при внешнем копировании западных рационально-

правовых отношений по сути этих отношений осталась где-то далеко, даже не в средневековом (христианском), а в языческом прошлом.

Третий параграф главы II посвящен анализу мужских и женских образов власти в произведении Щедрина. В русской традиционной политической культуре самыми популярными метафорами и символами властных отношений были материнские и отеческие (образы Батюшки-Царя и Царицы-Матушки). Салтыков-Щедрин подметил сохранившуюся в политической культуре русских традицию описывать власть в терминах родства. Глуповцы идентифицируют своих градоначальников и градоначальниц с родителями: Батюшками и Матушками. Простой народ хочет видеть во Властителе «Отца родного». Щедринские же градоначальники не соответствуют образу идеального Властителя. Метафора (образ) сиротства русского народа проходит через всю «Историю». Метафора отцовства присутствует в тексте Щедрина как запрос на народного лидера, на «народного царя», как ожидание появления «Царя-избавителя», который «усыновил» бы «осиротевший» русский народ.

Материнская символика и метафорика властных отношений, то есть идентификация власти и материнства, встречается в главе «Сказание о шести градоначальницах». Материнская символика проявляется в момент «глуповского междоусобия», момент «дезорганизации власти». Щедрина важно подчеркнуть связь «анархического элемента» с «женским» («бабьим») правлением. Возможно, автору удалось здесь «нащупать» какую-то закономерность, характерную для архаических культур. По всей видимости, в ТПК русских женская власть оценивается как антивласть, явление аномальное, связанное с временным разрушением космоса и победой хаоса, отсюда – «анархия». Отвергая официальную версию русской истории, Щедрин актуализирует миф об аномальности «бабьего правления». Женщина на престоле оказывается причиной великих бед и несчастий народа, государства, общества. Отголоски таких мифологических представлений можно увидеть в известных Щедрину русских народных социально-утопических легендах о «царях-избавителях». Здесь же появляется и мотив самозванного воцарения женщины-властительницы «не прямого», «не природного» происхождения (ни одна из женщин не является «прямой» наследницей).

Щедринские «Матушки», женщины-властительницы, очень слабо проявляют свою женскую природную сущность. Властные «Матушки» не жены и не матери. Поведенческие особенности глуповских градоначальниц (антиматеринство, воинственность, мужественность, тяга к спиртному, жажда власти) можно объяснить присутствием в тексте эсхатологической мифологемы. Щедринские «Матушки» на деле оказываются «антиматерями», «беспутными девками», «блудницами». Обычно такая «антиматеринская» идентификация власти особенно заметна в периоды распада социальной системы и содержит в себе программу отторжения власти. У Щедрина соединяется несоединимое, одни и те же события описываются с помощью «материнской» и «антиматеринской» символики. В одной и той же истории власть идентифицируется и как материнская, и как антиматеринская сила.

Метафоры материнства получают у Щедрина способность символизировать власть и блокировать ее, подкреплять и отторгать, опрокидывать существующую систему властных отношений.

В русской мифологии власти и мифологии государства национальная элита играет роль «крови» нации (народ – «почвы»). Национальная элита – это дети от символического брака Властителя (Батюшки-Царя) и Родины-матери. «Сногшибательные» действия русских властителей, приводящие к исчезновению национальной элиты, на метафорическом уровне прочитываются как «антиповедение» Царя-самозванца, Царя-тирана, Кроноса, пожирающего своих детей. Так, миф о добром «Батюшке-Царе» перекодируется Щедриным в миф об Отчине-наильнике, истребляющем «осиротевших» младенцев. Элемент насилия, овладения (обладания) по принуждению в отношениях Властителя и «почвы» нации, простого народа, который и составляет материнское тело Родины, обнаруживается в «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Властители в сатире Щедрина чаще всего выступают в ролях «блудницы», «наильника» или «аскета». В лучшем случае во времена периодических либеральных преобразований глуповские реформаторы прикидывают на себя лестную для их самолюбия проекцию «возлюбленного» Властителя, который на деле оказывается только «возлюбленным наильником». И никогда власть не выступает в своих законных мифологических образах-ролях «Батюшки» (Отца родного) и «Матушки». Она способна только имитировать, подделываться под них, использовать матрицы «материнства» и «отцовства» для захвата и удержания власти, преследуя свои эгоистические цели.

В четвертом параграфе главы II «Власть и время. Мифы русской истории и история глуповского мифа» рассматривается взаимосвязь мифологии власти и исторической мифологии. Миф о власти, как и миф о государстве, является частью национальной мифологии. Говоря о национальной мифологии, невозможно оставить в стороне национальную историю. В «Истории одного города» Салтыков-Щедрин вплотную подходит к проблеме мифологизации русской истории и, на наш взгляд, ставит перед собой задачу ее реконструкции, дешифровки и перекодировки. По сути дела, перед нами авторская интерпретация официальной версии «текста прошлого» России. В борьбе с официальной («помпезной») имперской историко-политической мифологией Щедрин создает собственный авторский миф об истории России, который, по сути, является контрмифом, антимифом по отношению к господствующей версии. Щедринский текст представляет собой не столько пародию на официальную историю России, в чем обычно упрекали сатирика, сколько пародию на современную автору историографию. Особенно это проявляется в главе «О корени происхождения глуповцев», живописующей начало «исторических времен» в Глупове.

Пародируя официальную историографию, Щедрин концентрирует внимание на нескольких ключевых моментах легенды о призвании варягов на

Русь. Во-первых, глуповская социальная история тесно связана с историей власти. Скажем более: история Глупова – это и есть история его власти (в ее взаимоотношении с подвластными). Пародируя «охранительную» риторику, Щедрин выходит на древнейшую особенность мифологического мышления – корреляцию между властью и течением времени. Время («исторические времена»), как и власть, появляются в момент победы социального «космоса» над «хаосом». Во-вторых, родоначальник глуповской власти, «первопредок», князь совершает несколько знаковых поступков-актов, которые в дальнейшем становятся фундаментальными парадигматическими действиями власти. Имеются в виду следующие семиотически отмеченные акты, организующие текст «помпадурского» и «градоначальнического» поведения: 1) установление сильной власти, что возможно только при наличии у «подчиненных» двоякой эмоции: страха и обожания; 2) князь-первопредок устанавливает так называемую «дань», которая с этих пор будет традиционно маркировать властные отношения в обществе; 3) властитель совершает акт номинации, переименования «головотяпов» в «глуповцев»; 4) властитель устанавливает ритуал «кормления» и «одаривания» народа при вступлении «на престол»; 5) первый князь произносит сакральную фразу: «Запорю». Важно, что все ставшие сакральными действиями глуповской власти поступки «первопредка» совершаются до «начала исторических времен», т.е. во время «Оно», мифическое время первотворений и первопредков. Салтыков-Щедрин ясно увидел мифологичность истории о «призвании варягов на Русь» для официальной русской историографии. Это отразилось в «Сказании о корени происхождения глуповцев» и в той роли, которую оно играет во всей глуповской истории. История, рассказанная в сказании о «корени происхождения...», играет роль «архе» в «Истории города Глупова», т.е. роль изначального события, являющегося сакральным образцом и вечно повторяющегося.

В-третьих, фундаментальным истоком и базовым формирующим событием русской исторической мифологии, русским прасобытием, по Щедрину, оказывается отказ от свободы. Как известно, великие исторические поражения или победы хранятся в коллективном бессознательном нации в виде мифологически осмысленных «травм или побед». По Щедрину получается, что в основе национальной мифологии лежит «травма», которую глуповцы воспринимают как «победу». Чуткий читатель имел возможность провести аналогии и прийти к выводу, что столь разрекламированная официальной историографией легенда о «призвании варягов на Русь» является трагической ошибкой нации, зафиксированной, хранящейся в коллективном бессознательном и определяющей дальнейший «кривой путь» русской национальной истории. Причину бесконечного национального плутания Щедрин видит в отказе от русской демократии новгородского и псковского типа, который понимается автором как отказ от свободы и самобытности. Щедрин создает новую, «демократическую» сказку о «богатыре», который

отказывается от собственной свободы и ответственности, не хочет взрослеть. История Глупова оказывается историей отказа от свободы.

История Николаевского царствования (в частности, расправа над декабристами) стала своеобразной «семантической доминантой», которая определила особенность прочтения Щедриным текста прошлого России. Это повлияло на отбор и интерпретацию сатириком реальных исторических событий, так или иначе отраженных в «Истории одного города», в том числе и на авторское прочтение легенды о «призвании варягов на Русь». С этой точки зрения все прошлое России оценивается как планомерно ведущее к «рабству», «произволу» и «насилию» предыдущего царствования.

В художественном мире Щедрина время и история разворачиваются в двойной перспективе. С одной стороны, в тексте «Истории одного города» явно актуализируется космогоническая модель восприятия времени. Все события романа соотнесены с первоначальным прасобытием глуповской истории, описанным в главе «О корени происхождения глуповцев». События этой главы постоянно повторяются, воспроизводятся в глуповской истории, что позволяет нам идентифицировать этот нарратив как первоначальный, онтологически исходный текст и обозначить его «глуповским мифом». С другой стороны, в тексте «Истории...» мы можем обнаружить и некоторые закономерности исторического восприятия времени. Финал романа, в котором появляется таинственное «Оно», размыкает цепь бесконечных повторений, «вечных возвратов» глуповской мифологической истории. Последнее событие романа является результатом относительно более ранних событий, описанных в главе «Подтверждение покаяния. Заключение», но не повторяет изначальное глуповское «архе». В художественном мире Щедрина события настоящего, актуальные для эпохи 60 – 70-х гг. XIX в., эпохи Великих реформ, рассматриваются одновременно и как результат непосредственно предшествующих событий николаевской эпохи, и как манифестация космогонического прошлого (истории «призвания варягов на Русь»).

В третьей главе **«Русская мифология власти в «Помпадурах и помпадуршах» М.Е. Салтыкова-Щедрина»** выявляются архетипические образы русской мифологии власти, которые, по мнению писателя, служили «вечными» ориентирами для представителей современной ему административной системы; анализируется их воплощение в художественных образах; изучаются парадоксальные закономерности русской мифологии реформ, подмеченные писателем, и их отражение в его мифопоэтике.

Первый параграф главы III посвящен проявлению архетипического образа Грозного царя Московского царства в цикле «Помпадуры и помпадурши». В центре каждой главы цикла находится фигура очередного харизматического Властителя. Претензия помпадуров быть выше любых законов, божеских и человеческих, разоблачаемая Щедриным как самозванство, связана с феноменом сакрализации монарха в России. Иван Грозный считал себя обладателем царской харизмы. Для Грозного его бесчинства являлись знаком его харизматичности (Б. Успенский, В. Живов).

Образы щедринских помпадуров и семиотика их поведения внутренне ориентированы на ставшие парадигматическими действиями русской власти поступки-жесты этого русского царя. Имя Ивана Грозного всего один раз появляется в цикле, но образ первого русского царя присутствует в подтексте.

Как показал Щедрин, особенность русской концепции власти в традиционном ее варианте ярче проявляется тогда, когда очередной либеральный помпадур резко «оборачивается» консерватором-реакционером. Политическое оборотничество русской власти, ее привычка грешить и каяться, из Грозного царя Московского царства внезапно превращаться в убогого Парфения Уродивого и наоборот отразились в главе «Помпадур борьбы, или проказы будущего». Эпизод «покаяния» Феденьки Кротикова сориентирован на известный в русской истории случай публичного покаяния Ивана Грозного. В апокалипсических фантазиях Феденьки о себе в роли борца с «нечестиями и неключимостями» мира отразились представления об исторической роли православного монарха как соратника небесного воинства в борьбе со злом («Великий стяг» Ивана Грозного имеет параллель в знамени Ф. Кротикова). Из всех знаковых событий правления Ивана Грозного в качестве семантической доминанты Щедрин выбирает историю жестокого похода на Новгород Великий. Именно это событие и определяет характерную для щедринских помпадуров традицию везде предполагать измену, раскрывать заговоры, истреблять «яд». Разорение собственной земли («Разорю») становится сакральным действием власти, а событие новгородского похода играет роль предзаданной парадигмы. Из текста царского поведения заимствуется и ставшая семиотическим атрибутом Грозного Властителя традиция создания собственного войска «кромешников» для борьбы с заговорщиками, так называемой «опричнины» («шалопает»). Для Щедрина важно было подчеркнуть, что насилие и произвол власть имущих по отношению к собственному «начальстволубящему» народу – это не просто подражание эксцессам патологической личности, а один из базовых поведенческих стереотипов власти.

В параграфе втором главы III «Миф о культурном Герое Нового времени и образ Петра I» анализируется роль образа первого императора России в мифологии власти эпохи Великих реформ, отмеченная Щедриным. Великие реформы 60-х – 70-х гг. XIX века в мифологическом пространстве русской истории оценивались как переломный момент, момент «уничтожения» старой России и становления новой. В этом плане они воспроизводят парадигматическую для России ситуацию: ситуацию «революции сверху», или «самодержавной революции», произведенной когда-то Петром Великим. Для культуры эпохи Петра I, как и для культуры эпохи Александра II, характерно самописание в мифологических категориях. Реформаторы-просветители шестидесятых с удовольствием подключали к своей общественной деятельности архетип «творения».

В «Помпадурах и помпадуршах» Щедрин обращает внимание читателей на одну из важнейших особенностей русской мифологии государства: каждый

Властитель претендует на роль онтологически «первого», зачинателя Новой эры, Творца архетипических жестов («создает новую эру»). В главе «Зиждитель» помпадур начинает новую хозяйственную эру.

Герои щедринского сатирического цикла возвращают нас к архаическому мифу о возрождении Космоса путем вечного его воссоздания правителем или жрецом. Салтыков-Щедрин, как художник, обладающий мифопоэтическим чутьем, прочувствовал проявление этой древней закономерности в русской мифологии власти Нового времени и, как человек секуляризованной культуры, тут же попытался ее «разоблачить», подключив архетип самозванства. Попытка современных Властителей отождествиться с прототипическими героями прошлого заканчивается их банальным пародированием. Так вторичный политический миф создает карикатуру на миф первичный – древний миф о Герое.

Имитирует жесты «изначального героя», ориентируясь при этом на фигуру первого русского императора Петра I, главный герой главы «Зиждитель» граф Быстрицин. Быстрицин – это единственный герой цикла «Помпадуры и помпадурши», который действительно достоин быть губернатором эпохи Великих реформ. То есть, в отличие от всех щедринских помпадуров, не по власти становится харизматиком, а по харизме становится властителем. Герой «Зиждитель» («*ala Pierre le Grand*») становится реактуализацией изначального русского мифа о Властелине-государственнике, хозяине на троне. Но при этом Щедрин разоблачает претензию русских прогрессивных реформаторов быть Героями Нового времени как самозванство, а их стремление «пересоздать созданье» как inferнальное. Для разоблачения самообожения власти Щедрин подключает евангельский текст и образ Иисуса Христа (образ «чаши сей»).

Щедрин подводит читателей к выводу о том, что отождествляющие себя с Петром Великим современные «пионеры», внешне подражая его отказу от традиционного прошлого, внутренне сохраняют связь с традицией русского самодурства и произвола. За помпезной риторикой современных «пионеров» «*ala Пьер ле Гран*» скрывается традиционная для России «сногшибательная» деятельность «а ля» Иван Грозный. «Прекрасные реформаторы» действуют теми же способами, что и отрицаемые ими «ужасные реакционеры».

В параграфе третьем главы III «Миф об идеальном русском Властителе» анализируется глава «Единственный» цикла «Помпадуры и помпадурши». Глава «Единственный» ремифологизирует утопию об идеальном русском Государстве – вольном общежитии с добрым Батюшкой-Царем во главе, возвращающем свой народ в «волшебный рай» («золотой век»). С первых строк «Единственного» читатель попадает в особенную атмосферу мифологического времени и пространства. Особенности мифологического восприятия времени объясняются некоторыми личностными чертами помпадура 4-ого, а именно его простодушие и детская наивность, которая при ближайшем рассмотрении оказывается величайшей мудростью. Современный миф о просвещенном (а в данном случае, непросвещенном) Властителе скрещивается с древним мифом о

мудром младенце. Непросвещенный, неотягощенный знаниями великовозрастный младенец оказывается мудрейшим правителем. Невежество героя подается как детскость, а детскость как мудрость. Попытка Щедрина подключить к «отрицательному» образу непросвещенного монарха «положительный» вечный миф о мудром божественном младенце разрушала устоявшиеся схемы и стереотипы восприятия действительности. Так щедринский гротеск подрывал общие места публичного дискурса эпохи Великих реформ.

Мудрость идеального правителя заключается в отказе от «помпадурского творчества». Герой отрекается от установленных до него парадигматических схем и поведенческих кодов русской власти. Целью идеального властителя («Единственного») является восстановление сакрального доисторического времени, вечного праздника. Тишина, бездействие, всеобщая «объедаловка», которая установилась с его «воцарением» в городе, объясняется мифологическими представлениями о празднике (разрыв в профанической длительности ради будущего обновления мира). Самая лучшая «внутренняя политика» – это политика невмешательства в природную обывательскую жизнь. Образ Единственного создан автором под впечатлением от русских утопических легенд о «далеких землях», которые выражали идею идеального государства (вольного общежития с народным царем во главе). Несмотря на иронию, подключенную Щедриным к образу помпадура, на гротескность образа «волшебного рая», в этом очерке реактуализируется дохристианская мифология власти. Опираясь на образы Правды, Лада, Рая, Щедрин словно реконструирует текст языческого прошлого нации. И оказывается, что с тех времен мало что поменялось в массовом сознании. А официальная идеология не придумала и не создала ничего лучше образа «Золотого царства, подсолнечного государства», хранящегося в памяти народа с языческих времен.

Параграф четвертый главы III посвящен архетипу самозванства в цикле «Помпадуры и помпадурши». В художественном мире Салтыкова-Щедрина сама должность «помпадура» придает пытающемуся воплотиться в нее простому смертному черты харизматического лидера. «Священная должность» является той самой священной маской, которая прикрывает тщедушное тело человека, бегущего от своей индивидуальной неповторимости под защиту безличного архетипа сана. Превращение вчерашних «добрых малых» в великих помпадуров, как и превращение умерших в «предков», соответствует включению индивида в архетипическую категорию. Посвящение в сан, как и помазание на царство, являясь, по сути, обрядом перехода (инициации), содержит в себе опыт смерти индивида и возрождение его на новом уровне через воссоединение с безличным архетипом Властителя.

Как показывает Щедрин, хранящиеся в политической культуре русских традиции посвящения в сан Властителя и передачи власти актуализируются в эпоху социальных перемен. Интересно, что процесс «обновления» администрации описывается Щедриным с помощью фольклорных образов-

символов и на мифологическом уровне прочитывается как смерть (ритуальное убийство) старого царя-отца и воцарение нового, обладающего царской харизмой, легитимного Властителя-сына. По Щедрину, «особое помпадурское вещество» (властная харизма) содержится не в помпадуре как личности, достойной власти, а в самой должности Властителя (в мундире).

Попытка воплощения в должность как момент бесовского «одержания» описана Щедриным в главе «Здравствуй, милая, хорошая моя!». Традиционный европейский карнавальный сюжет о свержении недостойного царя-шута Щедрин заменяет традиционным русским сюжетом о том, как некто (или даже «никто»), примерив на себя образ Властителя, превращается в Него («ОН»). В главах, посвященных Митеньке Козелкову, западноевропейский миф о самозванце (царе-шуте) на троне, закономерно с этого трона падающем, М.Е. Салтыков-Щедрин перекодирует в традиционный для России мифосюжет о самозванце (царе-шуте) на троне, который воплощается в вечно живое, вездесущее, судящее и карающее земное божество. Таким образом, происходит перекодировка мифа.

Поведение помпадуров, как описывает его Щедрин, на языке традиционной культуры прочитывается как анти-поведение и выдает в них анти-героев – героев со знаком «минус», «пакостников». «Антипоступки», приписываемые Щедриным русской власти, служат не только для разоблачения этой власти как самозванной, но и играют роль своеобразного авторского наказания через осмеяние и принудительное приобщение к «кромешному» миру. Самодурство как явление имеет, с точки зрения Щедрина, причины и корни более глубокие, чем кажется на первый взгляд. Самодурство на русской почве не просто признак непросвещенности и отсталости, а один из базовых архетипов русской мифологии власти.

В пятом параграфе гл. III «Русская мифология реформ в «Помпадурах и помпадуршах» Салтыкова-Щедрина» отмечается, что исследуемый нами цикл является «культурным ответом» на историческую ситуацию «революции сверху» – либеральные реформы, или «катастрофы», по выражению одного из героев Щедрина, проводимые властью в 60-е – 70-е годы XIX века. Щедрин вплотную подходит к открытию феномена самооборачиваемости реформ на русской почве. «Отжившее» прошлое возвращается и преследует «новорожденное» общество будущего. Задуманные как благое творение самодержца всея Руси во имя будущего обновления общественной жизни резкие социальные преобразования привели к возвращению еще большей кабалы административного порядка и «тьмы» прошлого. Парадокс заключается в том, что утверждение реакционных лозунгов «фьюить» и «не твоё дело» происходит в самый разгар блистательной деятельности власти по проведению либеральных реформ. Речь идет не о времени Отца-тирана (Николая I), а об эпохе его Героя-сына, Александра II – Освободителя. Отмеченный русскими мыслителями феномен самооборачиваемости реформ, тоже является одной из фундаментальных парадигм русской исторической мифологии.

Цикл Салтыкова-Щедрина «Помпадурсы и помпадурши» содержит в себе все древнейшие архетипы и фундаментальные парадигмы русской мифологии власти. В нем отразился «культурный конфликт» между феноменом сакрализации монарха (тенденцией к самообожествлению власти) и оторванным от народной культуры сознанием русского образованного общества середины XIX в., воспринимавшим эту тенденцию как самозваную претензию земной власти на роль Христа. Щедрин создает авторскую художественную мифологию власти, опираясь на существующую культурную и политическую мифологию. Мы можем утверждать, что созданные Щедриным художественные образы власти, в свою очередь, влились в современную ему культурную мифологию и во многом повлияли на восприятие властных отношений русской интеллигенцией.

В четвертой главе диссертации **«Феномен власти в «Бесах» Ф.М. Достоевского»** исследуются мифопоэтический и художественно-философский аспекты феномена власти в романе. Выявляется возможное отражение в романе типов власти, разработанных в философии, современной Достоевскому, и анализируется типология власти в «Бесах». Описываются архетипические образы, связанные с данной тематикой.

В первом параграфе главы IV исследуются мифологический и философский аспекты власти в романе «Бесы». Одной из ведущих тем «Бесов» является тема власти. Феномен власти в «Бесах» связан с образом главного героя романа Николая Всеволодовича Ставрогина. Этот герой, обладающий харизмой от природы, больше других имеет право на власть и по происхождению. Ставрогин – это единственный герой в «Бесах», в образе которого отразились древние представления о сверхъестественном происхождении и магической силе власти. В имени героя в свернутом виде содержатся основной сюжет и проблема романа: способен ли «обреченный» на власть ее принять и вынести (власть как бремя). Царственная природа властной харизмы героя проявляется в определениях, данных ему: «Принц Гарри», «Иван-Царевич», «Премудрый змей». Неоднозначность образа этого «Премудрого змия» связана с древними представлениями о двойственности царской (змеиной) харизмы. Этот образ ориентирован и на библейский образ «Зверя». Герой обладает чертами харизматического лидера: способностью авторитетного влияния, властью над людьми, внеморальностью и аномальностью поведения, гордостью, «властью над собой», «беспредельной силой». Угадав в Ставрогине «Премудрого змия» в пограничном (переходном) состоянии, социум желает видеть в нем «Принца» перед интронизацией (вступлением на престол).

Присущие герою черты харизматического лидера и особенности его поведения рожают различные варианты мифа о нем и побуждают окружающих к его героизации и даже символическому «коронованию». Общество навязывает герою различные типы власти: ему предлагается власть Отца, в нем угадывают потенциального Вождя, изначально ему дана власть Господина.

В романе представлены все возможные типы политической (да и духовной) власти: власть Отца, власть Вождя, власть Судьи, власть Господина над рабом (А. Кожев)⁵. Указанные типы власти на момент написания романа были подробно изучены в философии схоластиков, Аристотеля, Платона и Гегеля соответственно. Достоевскому были известны все эти разработанные в философии теории власти. Создавая образ власти Отца, Достоевский, безусловно, опирался на существующую в русской православной культуре философию и идеологию власти, усвоенную народным сознанием.

«Власть Отца» видят и готовы признать за Ставрогиным герои «из народа»: Федька Каторжный и Марья Тимофеевна Лебядкина (Хромоножка). Маргинальный лидер Федька пытается завербоваться к Ставрогину на службу в «опричники». Он видит в Ставрогине традиционного лидера, наделенного властью Отца («отец родной», «Истинный»). В отношениях Ставрогина и Хромоножки проявляется связь с древними мифологическими представлениями о власти, отразившимися в ТПК русского народа. Тайная жена Ставрогина, на образ которой проецируется образ России, мечтает найти в нем Князя-спасителя. Но при всей своей харизме Ставрогин никак не вписывается в образ Князя-страстотерпца. Он ничем не готов пожертвовать ради родной Земли. Неспособность к самопожертвованию ради великой идеи – идеи Спасения, Воскрешения России – лишает Ставрогина статуса Князя. Ставрогин отказывается от власти, которую воспринимает как ненужное «бремя», так же, как отказывается от своей жены Хромоножки. На метафорическом уровне отречение, отказ Властителя от законной супруги может прочитываться как отказ от ответственности, от власти и от властной харизмы. «Князь», лишенный харизмы, автоматически превращается в самозванца и разоблачается, как Гришка Отрепьев.

С образом Ставрогина связан и такой тип власти, как власть Вождя. Россия второй половины XIX века, как ее показывает Ф.М. Достоевский в «Бесах», буквально «заражена» явлением «вождизма». Ориентация героев на прошлое, настоящее или будущее связана с типологией власти в «Бесах». Власть Вождя «манифестирует» будущее, как власть Отца – прошлое, а Господина – настоящее. Ставрогин является автором практически всех идеологических «проектов», человеком, «который видит дальше других». Творческая одаренность, способность к предвидению и даже пророчеству делают Ставрогина главным претендентом на роль Вождя в «Бесах». Власть Вождя готовы признать за Ставрогиным и Верховенский, и Шатов, и даже Кириллов. Ставрогин от власти Вождя отказывается.

Власть Господина (третий тип власти) дана аристократу Ставрогину «от природы» и «по рождению». Власть Господина готовы признать за Ставрогиным капитан Лебядкин, тот же Шатов и Петруша Верховенский. «Раб» Петруша явно стремится к власти над сильным Ставрогиным, пытается использовать его в своих целях. В паре двойников – Ставрогин-Верховенский –

⁵ Кожев А. Понятие власти. М.: Праксис, 2006.

не идет просто борьба за власть. Мы присутствуем при столкновении разных типов власти: власти Вождя и власти Господина. Петруша, признающий талант, харизму, способность повести за собой массы, Власть Вождя *за* Ставрогиним, добивается для себя роли Господина *при* Ставрогине (или даже *над* ним). Власть, о которой мечтает и которую готов осуществить Петр Верховенский, – это власть Господина, Власть настоящего. Петруша принимает решения и осуществляет их в настоящем. Петруша Верховенский с его решимостью «на все», «на первый шаг», с его суетой («деловитостью») в настоящем представляет власть Господина.

Достоевский показывает, как современные претенденты на власть Господина (власть настоящего) ловко научились использовать хранящиеся в памяти нации архетипические конструкции. В борьбе за власть Петруша использует одну из самых популярных архетипических ситуаций русской истории – смуту. В целях захвата политической власти современные властолюбцы могут использовать популярные в народе легенды, относящиеся к типу легенд о «возвращающихся царях избавителях», и их основные мотивы. Власть Господина, ярчайшим представителем которой в «Бесах» является Петруша Верховенский, опираясь на знание традиции прошлого (опыт предков, народные предания, легенды, парадигматические ситуации русской истории), ведет к утверждению нового будущего (системы Шигалева) через настоящее (через «первый шаг», «кучки», «пятерки» «наших», «смуту», «бунт шпигулинских», «скандал на празднике» и т.д.). При этом Петруша Верховенский является действительным «Господином» настоящего.

Ставрогин же, будучи единственным законным претендентом на власть («по рождению», «по отцу», «по харизме»), гордо отказывается взять на себя роль Вождя толпы («рабского стада») и при всей своей харизматичности не чувствует в себе сил стать Героем, олицетворяющим власть Отца, власть традиции. Достоевский предсказал будущее дворянской интеллигенции, которая будет смыта революционным потоком, и судьбу России, которая так и не дождет своего «князя» – заступника и спасителя.

Во втором параграфе главы IV анализируется феномен самомифологизации личности в «Бесах», рассматривается архетип Героя Нового времени, использующийся героями романа в целях захвата власти. Ф.М. Достоевский показал в «Бесах», что архетип Героя Нового времени используется «политическими честолюбцами» как инструмент в борьбе за власть.

Проблема самомифологизации личности связана с образом Степана Трофимовича Верховенского. «Чудесную личную историю» сочиняет о себе Степан Трофимович, подпадая под влияние популярного в это время мифа о «либерале-идеалисте». Самомифологизация – это попытка создать миф о роли собственной личности в социальной истории. Самомифологизация связана со стремлением личности вписать себя в мифологизированную историю нации в образе Героя Нового времени.

Как показывает Достоевский, имена активно действовавших когда-то Героев являются почти сакральными для либералов 40-х годов, а сами герои (Герцен, Чаадаев, Белинский, Грановский) – своего рода образцами для подражания. Жить для Степана Трофимовича значит подражать мифологической, установленной «героями» схеме: написать вольнодумное произведение; быть изгнанным; иметь врагов; быть сосланным; жить под угрозой наказания (страх Степана Трофимовича перед арестом). Особенностью героепоклонства современных мифотворцев, как показал Ф. М. Достоевский, является самозванство маски. В этом случае собственное имя вписывается в ряд сакральных.

Проблема самомифологизации личности в «Бесах» связана и с «нашими», и с образом Петруши Верховенского, и даже с «Лембками». Стихотворение «Светлая личность» – это образ жизни и образец для подражания для молодого поколения «наших». Каждая строчка этого стихотворения является своего рода мифологемой (осколком текстового мифа), содержащей важнейшую составляющую архетипического поведения Героя Нового времени: плебейское происхождение; герой выходит из народной среды; он гонимый, страдалец; он занят «пропагандой идей»; он эмигрант, вынужден эмигрировать, чтобы вернуться и поднять восстание; народ ждет его появления, чтобы начать революцию; народ готов под руководством вождя свергнуть царя, уничтожить церковь и семью. Пародируя демократический миф в «Светлой личности», Достоевский его одновременно и разоблачает, подключая архетипы «самозванства» и «смуты».

Черты самомифологизации подмечает Достоевский и в поведении представителей русской легитимной власти. Губернаторша Юлия Михайловна Лембке являет собой женский вариант «дряхлающего» мифа старой власти. Она пытается вписаться в архетип Великой Матери, подключает и образ Богородицы, архетип Спасения – Спасительницы, и в то же время мечтает раскрыть заговор; «спасти» и «доложить». Миф Юлии Михайловны об обожании ее владетельной особы выдает самозваную сущность вроде бы легитимной власти. Древний христианский архетип Богородицы, Матери Болезной не стыкуется с соблазвившим Юлию Михайловну мифом секуляризованной культуры об императрице и ее фаворитах. Юлии Михайловне не удалось переключить, перекодировать мифы. Достоевский показал современную законную власть (власть губернаторов) как власть дряхлающую, умирающую, провоцирующую молодое племя «наших» на активные действия против себя.

В параграфе третьем главы IV анализируется роль архетипических образов Батюшки-царя и Родины-Матери в «Бесах» Ф.М. Достоевского. В параграфе рассматриваются представления Достоевского о самодержавной власти в России, об особенностях отношения народа, с одной стороны, и русской образованной «публики», с другой, к образу царя. В тексте романа Ф.М. Достоевского «Бесы», по первоначальному замыслу писателя, должен был актуализироваться архетип Батюшки-Царя, хотя в окончательном варианте

более четко проявляет себя образ отца-цареубийства. Достоевский описывает момент крушения русского мифа о «добром» Батюшке-царе в пророческой сцене бунта шпигулинских. Архетип Родины-Матери в романе Достоевского представлен и в положительном аспекте (юродивая) и в отрицательном (бесноватая). «Бесы» – это роман-пророчество, предупреждение нации о надвигающейся катастрофе. Достоевский почувствовал едва зародившиеся в бессознательном нации идеи отца- и матереубийства, убийства царя и России.

В параграфе четвертом главы IV «История одного города» М.Е. Щедрина – «Бесы» Ф.М. Достоевского: перекодировка мифа» дается сравнительно-сопоставительный анализ произведений писателей. В художественных мирах Ф.М. Достоевского и М.Е. Салтыкова-Щедрина живут, активно действуют и «воюют» друг с другом конкурирующие политические мифологии. Салтыков-Щедрин «взрывает изнутри» консервативную и либеральную мифополитические системы, сталкивая их друг с другом и создавая ощущение абсурда. Достоевский подхватывает «игру» оппонента и подключает к дискуссии еще и революционно-демократическую политическую мифологию, разоблачая таящиеся в ней иронические провалы и противоречия. Отношения отталкивания и притяжения установились и между двумя шедеврами этих авторов: «Историей одного города» Салтыкова-Щедрина и «Бесами» Достоевского.

Достоевский развивает традиции сатирической литературы в изображении русской административной системы. Формулы правления губернатора фон Лембке («все, что хочешь, поглотим» и «на колени») продолжают собой описанные как парадигматические действия русской власти «сногшибательные» поступки щедринских помпадуров, с той лишь разницей, что у Достоевского Лембке – немец. Но, описывая одно и то же явление, авторы ставят перед собой разные задачи. За образами щедринских помпадуров стоит идея, что «головотяпство» и «начальствлюбие» – это «краеугольные камни» русской национальной мифологии. За образом губернатора в «Бесах» – мысль, что административная система современной России, взявшая русский народ в «опеку», чужеродна по происхождению и составу, а значит, работает против своего народа, на разрушение России как государства.

И Достоевский, и Щедрин прекрасно понимали роль архетипа Батюшки-Царя в ТПК русских. Этим архетипом русской национальной мифологии часто пользуются самозванцы. Одна из важнейших тем исследованных нами произведений – тема «подмены» русской власти («Куда они нашего батюшку дели?»). Ситуация подмены всегда вызывает к жизни явление самозванства. Достоевский, как Щедрин, подчеркивает формализм административной системы. Забыто отеческое, семейное, осталась лишь подделка под него.

Но если Салтыков-Щедрин намекает на иную возможность русского исторического пути, на «будущее» в варианте радикальной демократической мифологии, то Достоевский радикальную мифологию разоблачает как реакционнейшую, ведущую к еще большей несвободе и насилию над личностью. Достоевский не просто интерпретировал «Историю одного города»

в «Бесах», а продолжил ее. Отсюда и ставшая знаменитой фраза: «Город наш третировали они, как какой-нибудь город Глупов».

За таким построением стояла мысль о том, что «новые люди» («нигилисты») продолжают собой так называемый «прогресс» («войны за просвещение») в городе Глупове, становясь неотъемлемой частью «отечественного прогресса с непрерывно идущими гадами». По мысли Достоевского, прогрессивное общество, построенное «новыми людьми», немногим будет отличаться от того, против которого они воюют. Судьба секуляризованной России – героически изживать один политический миф и, сломав его, с неизбежностью втягиваться в другой.

В пятой главе **«Власть и личность: проблема харизматического лидерства в первом и последнем романах пятикнижия Достоевского»** исследуются особенности репрезентации темы власти в «Преступлении и наказании» и «Братьях Карамазовых». Выявляются авторские приоритеты в изображении типов властных отношений и аспектов тематики власти в творчестве Ф.М. Достоевского. Теория власти Гегеля (концепция Господства – Рабства, разработанная в «Феноменологии духа») рассматривается как один из возможных «прототипов образа идеи» (выражение М.М. Бахтина) Раскольникова в «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского. Анализируются особенности подхода писателя к проблемам «власть и личность», «власть и общество», «власть и народ».

В первом параграфе главы V анализируется идея власти в романе «Преступление и наказание». Герой романа Ф.М. Достоевского Родион Раскольников одержим идеей власти. В теории Раскольникова чувствуется влияние современной ему западной философии. Мы считаем, что концепция власти Господина, разработанная Гегелем в «Феноменологии духа», может быть одним из «прототипов образа идеи» Раскольникова в «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского.

Гегелевская оппозиция Раб - Господин перекликается с основной оппозицией теории Раскольникова «Тварь дрожащая» и «Право имеющий». Самое главное отличие Господина от Раба – это готовность рисковать жизнью ради признания. Более того, человек, неспособный к риску, может быть признан личностью только с оговорками. Суть рабского сознания – страх за свою жизнь. Раскольников выделяет основные признаки Рабов, которые должны подчиняться, а по мысли Гегеля, заморожены страхом смерти, выбирают органическую жизнь (раба), а значит, они и есть сама эта органическая жизнь, и Господ, которые, по Гегелю, рискуют жизнью ради признания другими, ради власти и всегда готовы либо убивать, либо умирать. Люди второго разряда связаны с властью. Одно из важнейших отличий Господина от Раба и человека от «вши» – это способность к действию. Герой Достоевского отказывается принимать жизнь как данность. Убийство в таком случае становится единственным выходом – доказательством права на господство, ибо только Господин, согласно гегелевской теории, способен на риск и не боится смерти.

Раскольников, озабоченный проблемой самоидентификации, на всем протяжении романа меряется силами с героями-мужчинами, словно ищет себе достойного соперника. Общение с другими главными героями строится по принципу силы, описывается в терминах военно-стратегических, так или иначе связанных с властью, управлением, влиянием. «Меряется силами» Раскольников с властолюбцем Лужиным, следователем Порфирием Петровичем. Свидригайлов в Раскольникове Господина не столько видит, сколько «предвидит» в «будущем», как потенцию, как возможность.

Захватнический характер мужской активности выдается в отношениях с женщинами (взаимоотношения Дуни Раскольниковой с Лужиным и Свидригайловым, Сони Мармеладовой и Родиона Раскольникова). В Соне Раскольников ищет сторонницу и послушницу. Раскольникову важно получить от Сони признание, то самое гегелевское «Признание Господина», которого он безуспешно добивается от мира. Сначала Раскольников претендует на роль Судьи в судьбе Софьи Семеновны. Затем при второй встрече Раскольников пытается навязать роль Судьи Соне. Верующая Соня напоминает Раскольникову, кому на самом деле принадлежит власть Судьи над этим миром. Достоевский именно женщинам в романе отдает власть Судьи. В «Преступлении и наказании» очевидны попытки мужчин взять во власть «слабый пол». Менее очевидна, но от этого не менее сильна, по Достоевскому, власть женщин над мужчинами. Но это власть другого типа, власть как влияние.

Никто из героев не готов признать в Раскольникове Господина, но никто и не навязывает ему роль раба. Борьба «господства» и «рабства» происходит не только и не столько во внешнем мире, сколько в мире внутреннем. Рассуждая в категориях Гегеля, можно утверждать, что именно Господин в Раскольникове, который и есть его индивидуальность, начинает действовать, преодолевает страх смерти, идет на риск, а Раб в Раскольникове боится смерти, но способен идти против «инстинкта самоудовлетворения своих потребностей» (выражение Гегеля). Начало господское, в гегелевском понимании, проявляется в Раскольникове тогда, когда он рискует, забывая страх смерти: идет на убийство, вступает в «схватку» с «врагами». Начало «рабское», в понимании философа, проявляется в герое, когда он отдает последнее, страдает от сознания собственного бессилия, ничтожества и стоит над Невой, не в силах покончить с собой.

Тип сознания, который русский художник показал в «Преступлении и наказании» на примере Раскольникова, немецкий философ назвал «несчастливым», или «разорванным», сознанием. Герой Достоевского сам загоняет себя в психологическую ловушку: Господин – Раб; Раб – Господин; «тварь дрожащая» – «право имеющий», не догадываясь о том, что Раб и Господин – одно. Бунт против власти мира в Раскольникове оборачивается желанием властвовать над ним. Герой Достоевского пытается освободиться от власти детерминации, взяв власть «на себя», но становится еще более зависимым, попадая в рабство идеи власти, жажды господства. Незаметно он

становится тираном для близких и для себя. Раскольников тиранит себя сознанием своей слабости, собственного ничтожества и жадной мощи и величия. Раскольников не задумывается над тем, что есть третья структура сознания, третье состояние – свобода.

По Достоевскому, христианство – это религия свободы, свободы во Христе, в Боге. На проблему власти глубоко верующий Достоевский смотрел принципиально иначе, чем Гегель. Для него власть не ограничивается отношениями «господства– рабства» во внешнем мире. Власть – это прежде всего власть над собой. У Достоевского «господство» допускается и понимается, только если это господство над грехом, над собой, над собственным стремлением к господству над другими и жадной власти над ближним. Христианское понимание власти земной как власти дьявольской хотя и не заявлено декларативно, но содержится в тексте романа.

Мифологический пласт властных отношений в «Преступлении и наказании» не так очевиден, тщательно скрыт. И все же рудименты архаических представлений о власти можно найти в романе. Древнее кровавое «архе» влияет прежде всего на поведение Раскольникова, в котором чувствуется готовность к инициации на роль Властителя: вождя или жреца. Изучая поведение правителей, Раскольников, как ему кажется, проникает в тайну власти, понимает, на чем базируется авторитет лидера (способность «переступить»), и особенно переступить через кровь, то есть способность на убийство). В архаических обществах убийство (даже немотивированное убийство близких родственников) включалось в ритуалы власти. Убийство, совершенное Раскольниковым, несет в себе черты ритуального убийства, демонстрирующего готовность претендента к власти. Раскольников, безусловно, обладает лидерской харизмой от природы, но слишком увлекшись «идеями», сам того не замечает. Разгадывая тайны чужой харизмы, он игнорирует свою. Только убив, Раскольников понимает, что власть есть нечто большее, чем право на нарушение норм. Только способностью на убийство харизму власти не объяснить. Достоевский не просто «дополняет» Гегеля, а является его убежденным оппонентом по проблемам власти (господства) и личности, личности и христианства, личности и истории.

В параграфе втором главы V «Власть и свобода, власть и личность в «Братьях Карамазовых» рассматривается проблема харизматического лидерства. В «Братьях Карамазовых» спор о власти и свободе, власти и личности идет на трех уровнях: метафизическом (Бог – Дьявол); на уровне земной духовной власти (старец Зосима и Великий Инквизитор) и земном человеческом (Алеша и Иван). Теория власти и теория личности Великого Инквизитора связаны. То, как понимает Инквизитор сущность человека и его личную свободу (свободу совести, свободу воли), напрямую влияет на его теорию власти. В то же время Инквизитор подгоняет теорию личности под эти свои запросы, для того чтобы оправдать свою тягу к господству, стремление к первенству, свое право на власть.

В романе дается формула абсолютной власти: «чудо, тайна и авторитет». Верность этой формулы проверяется Достоевским через образы Великого Инквизитора, Христа и старца Зосимы. Христос, который, как верно подметил Инквизитор, отверг эти тайные рычаги воздействия на человека, на самом деле всеми этими составляющими харизмы обладает с избытком. Провозглашающий «чудо, тайну и авторитет» Инквизитор на удивление обеднен этими дарами высших сил. Тогда как старец Зосима обладает тремя составляющими властной харизмы, но понимаются они, как и сама власть, принципиально иначе, чем у Великого Инквизитора. Старец Зосима действительно обладает властью, связанной с традициями старчества в России. В поучениях старца Зосимы речь идет о свободе духа и власти духовной, власти «над собой». Власть над собой находит выражение в смирении до активного, ответственного, рискованного в глазах большинства поступка, в подвиге «деятельной любви». В его рассуждениях в главе «*Нечто о господах и слугах...*» почти гегелевская антиномия Господин-слуга обретает объемность, глубину и онтологическую наполненность.

Подключая христианскую мифологию, Достоевский показывает в «Братьях Карамазовых» два совершенно противоположных типа власти, два разнонаправленных вектора. С одной стороны, власть в романе подается как искушение дьяволом (евангельская история искушения Иисуса Христа «царствами»). Власть «от дьявола» представлена в образе Великого Инквизитора. С другой стороны, на христианский образ Пастыря и стада (Захар. 11; Матф. 25; Ин.10) ориентированы образы старца Зосимы и Алеши Карамазова, на образы Христа и апостолов – образ Алеши и мальчиков. В этом случае власть понимается как пастырство, ответственность за «малых сих», деятельность по любовному утверждению ближнего.

В отношениях трех братьев Карамазовых власть показана как влияние. С образами этих героев связано размышление Достоевского над тайной присутствия в человеке от природы данной властной харизмы, лидерских качеств. Харизма – это ниспосланная Духом Святым отдельным лицам способность авторитетного воздействия и власти над людьми. Харизматиком «от природы» является Алеша Карамазов. К Алеше герои романа относятся как к чуду. Качествами харизматического лидера наделен и Иван Карамазов. Иван Карамазов – это тайна для окружающих. Тайна Ивана – это тайна власти. В Иване чувствуется запрос на духовную власть. Идея власти вмещивается в любовные фантазии Дмитрия. Отношения между полами в романе описываются с помощью категорий «раб (рабыня) – Господин (Царица). Дмитрий, прошедший через страдание, осознавший свою вину «за дите», со временем мог стать лидером, и, возможно, именно с ним могла бы быть связана третья составляющая власти – авторитет. Три брата – это, по сути, воплощение трех ипостасей власти: чуда, тайны и авторитета (в потенциале).

В отличие от М.Е. Щедрина, Ф.М. Достоевский, детально исследовав русскую традиционную культуру власти еще в ранних произведениях 40-х – 50-х гг., к середине 60-х выходит на совершенно иной уровень разработки этой

темы, на уровень религиозно-философский. Его гораздо больше, чем Щедрина, волнуют вопросы влияния идей западно-европейской философии, разрабатывающей в том числе проблему власти и властных отношений, на сознание русской интеллигенции, русской молодежи. Оценка поздним Щедриным (80-х гг.) власти и властных отношений в обществе не изменилась. Объектом его внимания оставалась культурная мифология русской власти. Это подтверждается и сравнительно-сопоставительным анализом «Братьев Карамазовых» и «Современной идиллии» М.Е. Щедрина, а также исследованием сказок, написанных им уже после смерти Ф.М. Достоевского.

Мы можем с большой уверенностью утверждать, что Достоевский не только не ставил перед собой задач демифологизации и десакрализации русской власти, а, наоборот, стремился легитимную власть поддержать, отстаивая в печати ее основные идеологические константы и актуализируя некоторые мифологемы. И как завещание звучат слова: «Я, как и Пушкин, слуга царю, потому что дети его, народ его, не погнушаются слугой царевым». Другое дело, что художественные образы «начальников», созданные Достоевским, не всегда соответствуют христианской концепции власти и имеют много общего с щедринскими градоначальниками и помпадуррами.

Авторские художественные мифологии власти М.Е. Салтыкова-Щедрина и Ф.М. Достоевского, вобрав в себя концепты, образы, символы, сюжеты, мифологемы и идеологемы предшествующей культуры, вернули их в современную им культуру переработанными, обогащенными новыми смыслами, безусловно повлияв на восприятие и дальнейшую интерпретацию феномена власти русским культурным сообществом.

В Заключении подводятся итоги, делаются выводы, намечаются перспективы исследования.

Тема власти всегда была в центре внимания писателей, причем интерес к ней, проявившийся еще в ранних произведениях, шел по нарастающей в 60-е - 70-е годы и не ослаб к началу 80-х. Ф.М. Достоевский и М.Е. Салтыков-Щедрин выступали в ролях ремифологизаторов и демифологизаторов русской власти, создавая авторские художественные мифы. В творчестве писателей мы находим как рудименты архаических представлений о власти, так и отражение христианской концепции власти. Пристальное внимание художники уделяли феномену современной им мифологии власти, характерной для русской чиновничьей культуры, с ее особыми ритуалами и символами, с жесткой табуированной иерархией. Оба писателя исследовали феномен лидерской (властной) харизмы. Но если герои Щедрина обретают властную харизму после вступления в должность, примерив «мундир» и воплотившись в архетипический образ Властителя, то главные герои «пятикнижия» Достоевского обладают харизмой «от природы», «по рождению», зачастую воспринимая власть как «бремя» и не всегда с ней справляясь. В зрелом и позднем периодах творчества Достоевский перенес акцент на художественное исследование философии власти, духовной, религиозно-нравственной стороны властных отношений и описал следующие типы власти: власть Отца, власть

Господина, власть Вождя, власть Судьи. Напротив, оценка Щедриным власти и властных отношений в обществе не претерпела существенных изменений. Всю жизнь в центре его внимания была культурная мифология русской власти и тип власти Отца, иронически им осмысленный и сатирически поданный.

В творчестве великих художников слова М.Е. Салтыкова-Щедрина и Ф.М. Достоевского отразились важнейшие внутренние конфликты русской культуры: конфликт между феноменом сакрализации власти (ее тенденцией к самообожествлению) и традиционным православным сознанием, воспринимающим эту тенденцию как самозваную претензию земной власти на роль Отца Небесного; конфликт между феноменом самосакрализации русской власти и сознанием русской интеллигенции, воспитанной в секуляризованной культуре европейского типа; конфликт между языческой (дохристианской) традиционной политической культурой и православной политической культурной традицией; конфликт между традиционной политической культурой (ТПК) и рационально-правовой политической культурой западного типа (РПК); конфликт между христианским народным пониманием власти и содержащим в себе парадоксальную двойственность пониманием роли и функции власти современной элитой. И Достоевский, и Щедрин описывают ситуацию культурного конфликта между традиционной политической культурой народа, в котором еще живы христианские представления о наместническом и отцовском характере русской власти, с одной стороны, и феноменами «самосакрализации» власти и «самомифологизации» русской политизированной интеллигенции, к этой власти стремящейся, с другой.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК:

1. *Постникова, Е.Г.* Явление современной мифологии в общественно-публицистическом дискурсе эпохи Великих реформ / Е.Г. Постникова // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва-Магнитогорск-Новосибирск: РАН, 2008. – Вып. XXII. – С.434-447(0,8 п. л.).
2. *Постникова, Е.Г.* Мифополитические формы сознания в «Бесах» Ф.М. Достоевского / Е.Г. Постникова // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва-Магнитогорск-Новосибирск: РАН, 2009. - №1. – С.323-334 (0,6 п. л.).
3. *Постникова, Е.Г.* Архетип Грозного царя московского царства в «Помпадурах и помпадуршах» М.Е. Салтыкова-Щедрина / Е.Г. Постникова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2009. – Вып.9 (77). – С.158-164 (0,42 п. л.).
4. *Постникова, Е.Г.* Миф об идеальном русском государстве в «Помпадурах и помпадуршах» М.Е. Салтыкова-Щедрина / Е.Г. Постникова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2009. – Вып. 10 (78). – С. 191-197 (0,42 п. л.).

5. *Постникова, Е.Г.* Миф о культурном герое нового времени и образ Петра I в «Помпадурках и помпадуршах» М.Е. Салтыкова-Щедрина / Е.Г. Постникова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Челябинск, 2010. – Вып.40. - №4. – С.144-151 (0,42 п.л.).
6. *Постникова, Е.Г.* Мифология власти и архетип самозванства в «Помпадурках и помпадуршах» М.Е. Салтыкова-Щедрина / Е.Г. Постникова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Челябинск, 2010. – Вып.42. - №11. – С.104-110 (0, 42 п. л.).
7. *Постникова, Е.Г.* Роль пищевых и сексуальных табу в жизни глуповского общества («История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина) / Е.Г. Постникова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. – Москва, 2011. – №3. – С. 20-32 (0,72 п л.).
8. *Постникова, Е.Г.* Власть в терминах родства (по роману М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города») / Е.Г. Постникова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. Научный журнал. – Сургут, 2011. – №4(15). – С. 51-56 (0,42 п. л.).
9. *Постникова, Е.Г.* Русская мифология реформ в «Помпадурках и помпадуршах» М.Е. Салтыкова-Щедрина / Е.Г. Постникова // Вестник Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. – Магнитогорск, 2011. – №3. – С. 105-109 (0,3 п. л.).
10. *Постникова, Е.Г.* Мифсюжет об «Отце-тиране» и «Сыне-освободителе» в публицистическом дискурсе 60-х и роман М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» / Е.Г. Постникова // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва-Магнитогорск-Новосибирск: РАН, 2011. – №2. – С. 290-297 (0, 48 п. л.).
11. *Постникова, Е.Г.* Мифы русской истории и история глуповского мифа (по роману М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города») / Е.Г. Постникова // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2012. – №1. – С.274-281 (0, 48 п. л.).
12. *Постникова, Е.Г.* Мифология власти в «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина / Е.Г. Постникова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия «Филологические науки». – Москва, 2012. – №3. – С.31-41 (0,6 п. л.).
13. *Постникова, Е.Г.* Феномен самомифологизации и архаизации массового сознания в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» / Е.Г. Постникова // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Научный журнал. Филология. – Спб., 2012 г. – №3. – Том 1.– С.24-31 (0,48 п. л.).
14. *Постникова, Е.Г.* Феноменология власти в творчестве Ф.М. Достоевского («Бесы») / Е.Г. Постникова // Филология и человек. Научный журнал. –

Барнаул : Изд. Алтайского государственного университета, 2012. – №3. – С. 19-32 (0, 84 п. л.).

15. *Постникова, Е.Г.* Феномен власти в «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского / Е.Г. Постникова // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Научный журнал. Филология. – Спб., 2012 г. – №4. – Том 1. – С. 28-41 (0,78 п. л.).
16. *Постникова, Е.Г.* Феномен власти в «Двойнике» Ф.М. Достоевского / Е.Г. Постникова // Известия Уральского федерального университета. – Серия 2. Гуманитарные науки. – №3. – Екатеринбург, 2013. – С.210-222(0,78 п. л.).
17. *Постникова, Е.Г.* Тайна власти в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»/ Е.Г. Постникова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. Научный журнал. – Сургут, 2013. – №5 (26). – С. 117-123 (0,48 п. л.).

Монографии и глава в монографии:

18. *Постникова, Е.Г.* Мифология власти и власть мифологии: М.Е. Салтыков-Щедрин – Ф.М. Достоевский. Монография / Е.Г. Постникова. – Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2009. – 231с. (13, 33 п. л.). Она же: Екатерина Постникова. Мифология власти и власть мифологии: М.Е. Салтыков-Щедрин – Ф.М. Достоевский. Монография / Е.Г. Постникова. – Saarbrucken : LAPLAMBERT Akademik Publishing, 2011. – 272 с. (17, 3 п. л.).
19. *Постникова, Е.Г.* Феномен политического мифотворчества в журналистике 60-х – 70-х г. XIX в. / Е.Г. Постникова // СМИ и общество : коллективная монография / под ред. О. Е. Черновой. – Магнитогорск : МаГУ, 2013. – С. 113-142 (1,8 п. л.).
20. *Постникова, Е.Г.* Власть в творчестве Ф.М. Достоевского (мифопоэтический и художественно-философский аспекты) : монография / Е.Г. Постникова. – Магнитогорск : МаГУ , 2014. – 202 с. (11, 62 п. л.)

Другие публикации:

21. *Постникова, Е.Г.* Самозванец ли Николай Ставрогин? / Е.Г. Постникова // Достоевский и современность: Материалы XVII Международных Старорусских чтений 2002 года. – Великий Новгород, 2003 г. – С.119-129 (0,6 п. л.).
22. *Постникова, Е.Г.* Грибоедовские интертексты в творчестве Ф.М. Достоевского / Е.Г. Постникова // Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе: Сб. докладов международной научной конференции / Ред. – Сост. С.Г. Шулежкова. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2003 г. – С.271-278 (0,54 п. л.).
23. *Постникова, Е.Г.* Женская активность в художественном мире Ф.М. Достоевского / Е.Г. Постникова // Достоевский и современность: Материалы XVIII Международных Старорусских чтений 2003 г. – Великий Новгород, 2004. – С. 149-157 (0,42 п. л.).
24. *Постникова, Е.Г.* Творение мифа в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» / Е.Г. Постникова // VII Ручьевские чтения. Литературный процесс в зеркале рубежного сознания: Сб. материалов международной научной конференции.

- / Сост., ред. М.М. Полехина. – Магнитогорск : МаГУ, 2004. – С. 120-124 (0,3 п. л.).
25. *Постникова, Е.Г.* «Горе от ума» как претекст художественного мира Достоевского («Горе от ума» и «Бесы») / Е.Г. Постникова // Достоевский и современность: Материалы XIX Международных Старорусских чтений. – Великий Новгород, 2005 – С. 202-209 (0,48 п.л.).
 26. *Постникова, Е.Г.* Ф.М. Достоевский и политическая мифология его эпохи (восточный вопрос) / Е.Г. Постникова // Достоевский и современность: Материалы XXI Международных Старорусских чтений. – Великий Новгород, 2007. – С. 245-258 (0,78 п. л.).
 27. *Постникова, Е.Г.* Архетип Героя-вождя в «Бесах» Ф.М. Достоевского / Е.Г. Постникова // Изменяющаяся Россия в литературном дискурсе / Сб. материалов Международной научной конференции VIII Ручьевские чтения. – Москва-Магнитогорск, 2007. - С.28-34 (0,42 п. л.).
 28. *Постникова Е.Г.* Архетипы Батюшки-царя и Родины-матери в «Бесах» Ф.М. Достоевского / Е.Г. Постникова // Достоевский и современность: Материалы XXII Международных Старорусских чтений 2007года. – Великий Новгород, 2008. - С.186-199 (0,9 п. л.).
 29. *Постникова, Е.Г.* Характеристика личности в художественном мире Достоевского (Степан Трофимович Верховенский в «Бесах») / Е.Г. Постникова // Благословенны первые шаги...»: Сб. работ молодых исследователей / Под ред. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск: МГПИ, 1999. – Вып 2. – С.14-20 (0,36 п. л.).
 30. *Постникова, Е.Г.* К проблеме идеологической активности личности у Достоевского («Бесы») / Е.Г. Постникова // Наука – Вуз – Школа : Сб. науч. тр. молодых исследователей. – Магнитогорск : МГПИ, 1999. – Вып. 5. – С.278-284 (0,42 п. л.).
 31. *Постникова, Е.Г.* К проблеме самозванства в «Бесах» / Е.Г. Постникова // Благословенны первые шаги...»: Сб. работ молодых исследователей / Под ред. С.Г. Шулежковой. – Магнитогорск : МГПИ, 2000. – Вып. 3. – С. 23-31 (0,54 п. л.).
 32. *Постникова, Е.Г.* О художественном статусе поступка и подвига в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» / Е.Г. Постникова // Вестник МаГУ: Периодический научный журнал. – Вып. 2-3. – Магнитогорск: МаГУ, 2001-2002.–С. 50-55 (0,36 п. л.).
 33. *Постникова, Е.Г.* Идея страдания в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / Е.Г. Постникова // Современные научные концепции в филологии и преподавании словесности: Материалы III межвузовской научно-практической конференции. – Магнитогорск: МаГУ, 2003. – С.35-39 (0,3 п. л.).
 34. *Постникова, Е.Г.* Бедный рыцарь Достоевского и рыцарь Справедливости Грэма Грина (архетип грехопадения в романах «Идиот» и «Суть дела») / Е.Г. Постникова // Три века русской литературы. Актуальные аспекты изучения. Вып.15. – Москва-Иркутск, 2007. – С. 97-109 (0, 78 п.л.).

35. *Постникова, Е.Г.* «Современные призраки»: политические мифы М.Е. Салтыкова-Щедрина / Е.Г. Постникова // СМИ и общество: сб. материалов III-й науч.- практ. конф. / под ред. Д.С. Бужинской. – Магнитогорск : МаГУ, 2008.– С. 41-50 (0, 54 п. л.).
36. *Постникова, Е.Г.* К.Д. Кавелин как мифотворец и мифоборец / Е.Г. Постникова // СМИ и общество: сб. материалов IV науч.- практ. конф. / под ред. Д.С. Бужинской. – Магнитогорск : МаГУ, 2009. – С.49-64 (0,9 п. л.).
37. *Постникова, Е.Г.* Магия власти в «Истории одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина / Е.Г. Постникова // Вестник Российской литературы. – Москва-Магнитогорск, 2009. –№15. – С. 87-94 (0,48 п. л.).